

The background of the entire page is a complex, embossed decorative pattern. It features a repeating motif of stylized, interlocking shapes. Each motif consists of a central circular element with a spiral or scroll-like design inside, surrounded by larger, more intricate scrollwork and pointed, leaf-like extensions. The pattern is rendered in a light, metallic or silver tone against a darker, textured background, giving it a three-dimensional appearance. The overall style is reminiscent of traditional Islamic or Persian geometric art.

ДЖАМБУЛ

ГОСЛИБИЗДАТ 1955

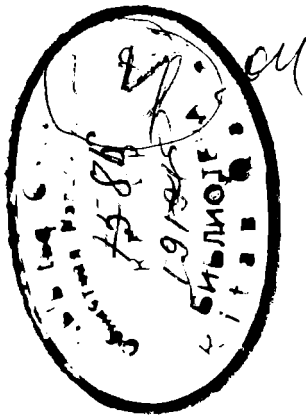
ИИЛ 119

ДЖАМБУЛ

Народный певец Казахстана, орденоносец

песни и поэмы

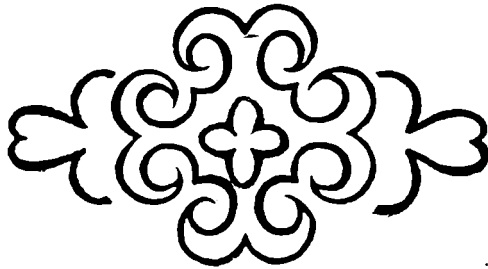

1938

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА

*Портрет
работы худ. Г. А. Петрова*

ЛЕНИН И СТАЛИН

До смерти Джамбул не забудет тех дней,
Когда он на поезде мчал по стране

И мимо куда-то летела земля,
Мелькали сады, проплывали поля...

Шумела травой батырекая ширь,
Неслись облака на Алтай, на Сибирь.

Пугливые чибисы с криком вились
Над желтой и быстрой рекою Арысь.

Над рисовым полем пылали лучи
В горячих просторных степях Кармакчи.

Катил на пески свой разгневанный вал
Вскрывающий пеной, зеленый Арал.

Пасла табуны и растила хлеба
Красавица наших степей Актюба.

Потом засверкал восхищеннем взор:
Впервые увидел я волжский простор;

Катила могучие воды река,
И чайка кружилась бела и легка.

Какая страна! Сколько светлых чудес
Под юртой высоких советских небес!

Я ехал, волновался. Я знал, что близка —
Мечта моей жизни — столица Москва!

И вот она встала, мечты золотей,
Во всей лучезарной своей красоте!

Услышал я шум изумрудных садов,
Увидел я блеск бирюзовых прудов,

Дворцы и палаты, метро под землей,
Большие фонтаны воды голубой...

Я думал: здесь Ленин когда-то ходил
В расцвете своих титанических сил...

Посланец далеких казахских стений,
Пошел я туда, где стоит мавзолей.

Где светят восторгом, сердца опаля,
Горящие золотом звезды Кремля.

Стоит мавзолей в самом центре земли,
Народы, как реки, к нему потекли.

Идут и таджик, и ойрот, и казах
С любовью в сердцах и с печалью в глазах.

Идут и афганец, и перс, и араб,
Как дети к отцу и как воины в штаб.

И я вместе с ними, волнуясь, вхожу,
Глаза поднимаю и жадно гляжу.

И вижу — в гробу он лежит, как живой,
Спокойный и мудрый, простой и родной.

Знамена склонились с любовью над ним,
Проходят народы, а он недвижим,

Не слышит, как я ему — сторблен и сед —
Шепчу по-казахски сыновний привет,

И клятву шепчу ему — ленинцем быть.
По-ленински думать, бороться и жить.

И детям, и внукам, и правнукам — всем
Поведать и в песнях и в строфах поэм.

Что Ленин, как солнце, планету живит,
Что в Сталине ленинский гений горит.

Я самый счастливый певец на земле —
Я Сталина видел в московском Кремле.

Я рядом с вождем всех народов стоял
И крепко могучую руку пожал.

Ту руку, которая твердо ведет
Два десятилетия вперед и вперед —

В сиянье счастливых и солнечных дней
Сто семьдесят пять миллионов людей.

Он разумом выше Памира и звезд
И к людям внимателен, ласков и прост.

Он мощью своей превосходит Арал,
И каждый бедняк в нем отца увидал.

Как солнце, он ясен, высок и могуч,
И греет народы теплом его луч.

Он, как океан, необъятно велик...
Обидно Джамбулу, что беден язык

И слов нехватает, чтоб так прозвенеть,
Чтоб сталинский геней достойно воспеть.

Я в степи пойду, когда солнце встает,
Из юрт позову я колхозный народ.

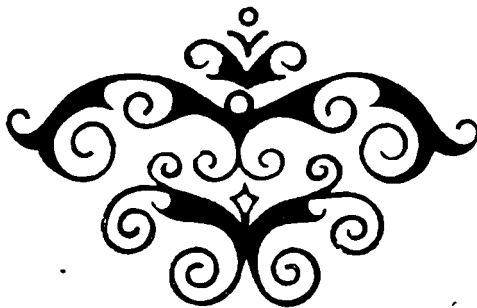
И грянем мы песню, и будет нам в лад
Греметь ниспадающий с гор водопад,

Трава шелестеть, и журчать родники,
И тихо по ветру шуметь тростники.

И даже на самой далекой звезде
Слышна будет песнь о великом вожде!

1936

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Я ходил по степям, я бродил между скал —
Загорелый, обветренный и седой —
Девяносто лет я солнца искал,
И солнце предстало передо мной,

Я стоял перед ним, лучами палим,
Обогрет, обласкан и освещен.
Я стоял перед ним, перед солнцем моим,
Словно видел волшебный, сказочный сон.

Сталин! Солнце веселее — это ты!
Ты посмотришь, и, словно от теплых лучей,
Колосятся поля, расцветают цветы,
Сердце бьется сильнее и кровь горячей...

Дважды юности в теле цвести не дано.
Я — старик, у меня серебро в бороде,
Но увидеть тебя я мечтал так давно,
Что, увидев, я сразу помолодел.

Снова юность, как чудом, Джамбулу дана,
Будто кровь, как кумыс, забурлила, звеня,
Будто снова моя разогнулась спина,
Будто белые зубы растут у меня.

Молодой в свои девяносто лет,
Жизнь прожив, как самый последний келсеи,
Я принес тебе, Сталин, народа привет
И любовь возрожденных тобою людей.

Что мы знали? Тоску, нищету и мрак.
Что мы видели? Цепи, камчу и штык.
Богатеи держали нас хуже собак,
В темноте угасал наш подавленный крик.

Но, как солнце, взойдя, разгоняет мрак,
Ты пришел, и народы тобой спасены.
И сковали мы герб и подняли мы флаг
Самой светлой и самой счастливой страны.

Сталин-солнце! Гори, не сгорая, в Кремле.
Мы несем тебе песни, сердца и цветы.
Нет на всей неоглядной планете-Земле
Человека, нужнее народу, чем ты!

1936

Век за веком шли бессменно,
Но хранила Утегена
Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,
Но к народному преданью
Я ни слова не добавлю.

Не лукавя, буду петь я,
Чтобы встал в правдивом свете
Этот образ величавый,
Пронесенный сквозь столетья.

Утеген родился летом,
Теплой ночью, пред рассветом,
В Джетысу, в роду Дулата
И в семействе Сырымбета.

Ветры теплыми ночами
Колыбель его качали.
Два крутых, упрямых рога
Ясный лоб его венчали.

С детства счастье с ним дружило—
Говорили старожилы,
Что рога его крутые
Верный знак батырской силы.

Светлый ум и жар стремлений
Покоряли в Утегене.
Статный, гордый и красивый
Был похож он на оленя.

Развились в батыре рано
Ловкость барса, слух джейрана,
Зренье беркута и сила
Непокорного арстана.

Был он первым среди сотен
На байге и на охоте,
А в кругу друзей на тое
Весел, прост и беззаботен.

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Джетысу — земля казахов —
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.

Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.

Сабли острые свистели,
Кони ржали, стрелы пели.
К свежим трупам после сечи
С криком коршуны летели.

В восемнадцатом столетье
Степь постигло лихолетье:
Белый царь грозил походом,
Кандалы суля и плети.

Над кочевьями, как птицы,
Вились крыльями зарницы.
И в зловещих предсказаньях
Быль сплеталась с небылицей.

Стоны плыли над стенами,
Над джайляу, над горами —
Джетысу к царю отходит.
Горе нам! Что будет с нами!

В Утегене зазвучали
Струны гнева и печали,
Но в огне беды народной
Воля стала тверже стали.

То, о чем не знали люди,
Утеген, бывало, судит.
Он имел в себе чудесный
Дар предвидеть то, что будет.

Он предвидел: царь с ордою
Кровь в степях прольет рекою,
И народ родной застонет
Под тяжелою пятою.

Понял он: в кровавом споре
Дрогнут ханы и в позоре
Примут царскую присягу,
Обрекая степь на горе.

Ханы, хитростью богаты,
Предадут народ за плату—
За кокарды, за медали,
За парчевые халаты.

Страху он не предавался,
Только силы набирался
И в далекие походы
Терпеливо собирался.

И когда закончил сборы,
Засверкал орлиным взором,
Как батыр, повел с народом
Он такие разговоры:

«Мой обьятый тревогой народ,
Белый царь собирает поход.
В Джетысу его войско придет
И казахов в бою разобьет.

Кровь жигитов он хищно прольет,
Жен и девушек в плен уведет,
Скот угонит, и землю возьмет,
Оттеснит тебя, бедный народ,

В глубь пустынь, где трава не растет,
Где лишь солнце с бескрайних высот
Беспощадно и гневно печет,
Где вода и весной не течет,

Где лишь огненный ветер плывет
И песок по барханам ползет,
Где мираж над песками цветет,
Обещая журчание вод.

Кто же к призрачным водам пойдет,
Тот могилу в пустыне найдет.
Мое сердце тревога берет—
Неизбежен царя к нам приход.

Надо прямо смотреть нам вперед—
Ждет беда у аульных ворот.
Наступает решающий год.
Надо действовать. Время не ждет!

Кто из вас в себе силы найдет
Разорвать паутину дремот?
Кто коней в табуне отберет
И пойдет с Утегеном в поход?

Утегена не слава влечет
И не кровью добытый почет.
Утеген целый свет обойдет,
Но удобные земли найдет,

Где вода ключевая течет,
Где трава, зацветая, растет,
Где невиданный даст нам приплод
Потучневший на пастбищах скот,

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилье и гнет
И заветное счастье найдет
Мой любимый казахский народ».

Смолк батыр, зовущий к славе,
На коне седло поправил.
Речью жаркою он многих
Призадуматься заставил.

Речь держал он не напрасно,
Призывая в путь опасный.
Вышли пятьдесят жигитов
И сказали: «Мы согласны».

Сразу смолкли разговоры,
Сникли ссоры, стихли споры,
Зазвучали причитанья,
Начались в кибитках сборы.

Утеген для нужд похода
Взял с собою много меда,
Чаю, риса, белой соли,
Чтоб хватило на два года,

Взял табун коней ретивых,
Тонконогих, длинногривых,
Как жигиты, огнеглазых,
И, как девушки, красивых.

Звонко цокнули копыта.
Начал путь батыр со свитой.
Воздух подвигов вдохнули
Утеген и с ним жигиты.

Пылью путников встречая,
Шла дорога в царство чая,
На восток, где солнце всходит,
В земли желтого Китая.

Ехали, как едут к Мекке,
Через горы, через реки.
Наконец, предстал их взорам
Золотой от солнца Пекин.

Там, как пышные павлины,
Восседали мандарины.
На полях под жарким солнцем
Земледельцы гнули спины.

И земли так мало было,
И людей так много было,
Что в глазах у Утегена
С непривычки зарябило.

Там народ, терпя невзгоды,
Вел борьбу за рис и воду.
Места не было в Китае
Для казахского народа.

Хоть жигиты утомились,
Пылью серою покрылись,
Не найдя земли заветной,
Все ж в обратный путь пустились.

Степи, горы, перевалы,
Свет от звезд да тень от тала.
В Утегене и жигитах
Сила воли не упала.

Путь они держали долго,
Наконец, в долине волгою
Защыла большим пожаром
Кровавой закат над Волгою.

Перед ними полем бурым,
Неприветливым и хмурым
Стлалась царская Россия—
Край цепей, штыков и тюрем.

Вот отсюда в путь разбой
Белый царь пойдет с ордою,
Чтоб казахские кочевья
Сделать вечною тюрьмою.

Жадеп царь, свиреп и страшен,
Табуны угонит наши,
Уведет с собой в неволю
Стройных девушек-казашек.

«Дальше, дальше!» — крикнул страстно
Утеген, и окрик властный
Послужил для всех сигналом
Продолжать поход опасный.

Снова горы-перевалы,
Ветер горький, одичалый.
Где кибитка Утегена
В эти дни ни побывала!

Утеген бродил по свету
В стужу зим и знойным летом,
Как Коркыт, домбрист чудесный,
В песнях Родины воспетый.

Розоватой, росной ранью
Гасло в небе звезд сиянье.
В земли бедные хозаров
Привело его скитанье.

Увидал вожак похода:
Тоши травы, ржавы воды...
Нет и здесь земель привольных
Для казахского народа.

Накормив коней досыта,
Наварив побольше жита,
Утеген неумолимый
К Актюбе повел жигитов.

Кони тронулись, гарцуя.
Словно жар, горела сбруя.
И отточенные сабли
Засияли, словно струи.

Степи, балки, перевалы,
Дальний крик гусей усталых...
Как серебряные слитки,
Актюба им засверкала.

И тогда косем упорный,
От дорожной пыли черный,
Приказал разбить кибитки
У реки, в степи просторной.

Сел косем. Река бежала.
Степь прохладой дышала.
И кумыс струей душистой
Лился, горло освежая.

Утеген молчал. Как птицы,
Мысли легкой вереницей
Отгоняли сон и дрему,
Трепетали, как зарницы.

«Я жепу оставил дома,
И, пространствами влекомый,
Как Коргыт, в степях скитаюсь
В блеске молний, в гулах грома».

По народ родной люблю я.
Землю для него найду я.
И земля удобной будет,
Как коню—седло и сбруя».

Так он думал, и молчали
Степи, полные печали.
Под шатром ночного неба,
Утомясь, жигиты спали.

Месяц строен был и тонок,
Как красивый жеребенок.
Он по звездному джайляу
Набирался сил для гонок.

Тишина весь мир обвила.
И, казалось, слышно было,
Как звезда с другой звездой
Тихо в небе говорила.

Вдруг все травы зашумели,
Кони жарко захрапели,
И жигиты, просыпаясь,
Поднялись с своих постелей.

И почувствовали сразу,
Как глетворную заразу,
Душный, чадный запах гнили,
Не дающий видеть глазу.

Запах едкий и смердящий,
Словно дым кошмы горячей,
Слезы вызвал у жигитов,
В темном ужасе дрожащих.

Тяжело дышать им стало,
Сердце каждого шептало:
«Ой-бой-боу! На чужбине
Смерть меня подстерегала».

Все жигиты вдруг косема
Собрались, от страха немые,
И один жигит промолвил:
«В эту ночь погибнем все мы».

Утеген, стрелок отличный,
К бедам с юности привычный,
Не дрожал, не волновался,
Вид имел совсем обычный.

Как батыр, прошедший войны,
Уважения достойный,
Утеген сказал жигитам
Тоном ровным и спокойным:

«Клубы гнилостного пара —
Это запах айдахара,
Но чудовище, должно быть,
Не затеет с нами свары.

Айдахар пришел к нам сытым,
Где-нибудь поодаль спит он.
Подождем. А страх впустую
Не пристоен для жигита!

Будь он зол—давно начал бы,
Растерзал и всех пожрал бы,
Как пылинка пред горою,
Пред чудовищем мы слабы.

Если ж нас он не тревожит,
Значит, мы спокойно можем
Отдыхать под синим небом
На кошме походным ложем.

Задымит восток пожаром,
Мы увидим айдахара.
Я его повадки знаю —
Он пришел сюда недаром».

Безотчетный, темный ужас
Поселил в жигитах стужу,
Утро ясное им стало
Черной, страшной ночи хуже.

Тряс коней смертельный ужас,
Круг сжимался уже, уже,
И моча коней дымилась
Кровавой багровой лужей.

Утеген—батыр казахов,
Без сомнения и страха,
Даже брови не нахмурил,
Сел в седло свое с размаху.

С видом гордого батыра,
Кто хранит желанья мира,
Он подъехал к айдахару,
Как такыр в аул к такыру.

Осадил батыр тулпара,
Грозен вид у айдахара.
Он дышал, и жаркий ветер
Из ноздрей клубился паром.

Вид горы большой имело,
Было влажно и блестяло,
Вздыбленной сто раз волною
Громоздилось его тело.

Он пестрел, лучом пригретый,
Шерстью всех цветов одетый,
Два стеклянных мертвых глаза
Зеленели тусклым светом.

Приготовившись к удару,
Глаз рукой закрыв тулпару,
Утеген сказал спокойно,
Обращаясь к айдахару:

«Эй, чудовище, мощен твой рот!
Ты лежишь, подперев небосвод.
В твой разъятый дымящийся рот
Весь табун лошадиный уйдет.

Твой тяжелый медлительный ход
Стень от края до края трясет.
Почему ты закрыл нам проход?
Не пускаешь жигитов вперед?

Я батыр Утеген. Мой народ
В Джетысу изумрудном живет.
Я пустился в далекий поход,
Как орел в поднебесный полет.

Меня знойное солнце печет.
Меня дождь беспощадно сечет.
Суховой меня пламенем жжет
И песком набивает мой рот.

Я брожу не один уже год
Средь степей, диких гор и болот,
И где желтого солнца восход,
И где красного солнца заход.

Я иду не один уже год
Край, где жизнь без насилья цветет,
Где родной мой казахский народ
Землю, воду и счастье найдет.

Ведь печаль в твоём сердце живет,
Как во мне. Дай свободный проход.
Новый путь меня властно влечет,
И народ моих подвигов ждёт»...

Приоткрыв глаза и уши,
Айдахар батыра слушал,
Развались цветисто-пестрый,
Как гора, огромной тушей.

Он одобрил в Утегене
Смелость, ум и жар стремлений
И, собрав все тело в складки,
Дал дорогу в две сажени.

Солнцем радости облиты,
Поскакали в путь жигиты,
Страх и горе темной ночи
Были сразу позабыты.

Но шесть верст не проскакали,
Словно вкопанные, встали.
Снова прямо пред собою
Айдахара увидали.

Утеген, грозы суровой,
Меч для битвы приготовил
И к чудовищу подъехал,
Смоляные хмура брови.

А чудовище лежало,
Воздух свистом оглушало,
Но земле хвостиком било
Так, что степь под ним дрожала.

Брызжась яростно и гневно
Ядовитой, теплой пеной,
Рвалось в горы и как будто
Призывало Утегена.

Утеген с надежной свитой
Из пяти своих жигитов
В горы синие поехал
За чудовищем сердитым.

Перед их спокойным взглядом
Встали дикие громады.
С гор спадали в блеске радуг
Два кипящих водопада.

А в седых горах открылся
Вход в пещеру. Пар клубился.
Айдахар перед пещерой,
Задрожав, остановился.

Утеген подъехал ближе
К валунам, что пена лижет,
И, блеснув ружьем на солнце,
Подав знак: «Входи! Входи же!»

Айдахар вошел и воем
Известил начало боя.
Шум и свист, и хруст, и скрежет
Стали слышны под землею.

Утеген был наготове —
Смел, могуч и хладнокровен.
Бой затих. На воздух вышел
Айдахар, залитый кровью.

После этой страшной сечи
Айдахар боялся встречи,
Но батыр тут обратился
К айдахару с тихой речью:

«Смой водою крови пятна
И скорей ступай обратно.
Выгоняй врага смелее —
Я готов на подвиг ратный!».

Айдахар ушел. И снова
Вой и скрежет с силой новой
Раздались, и из пещеры
Кровь пошла рекой багровой.

Появились в клубах пара
Два свирепых айдахара,
Напоя друг другу в гневе
Беспощадные удары.

Был один из них моложе —
Белоклыкий, нестрокожий,
Он хотел отбить пещеру
Ту, где старый юность прожил.

Был он старого клыками,
Злобно рвал его когтями,
Старый, кровью истекал,
Утегена звал глазами...

Утеген, следя, как старший
Получает в грудь удары,
Выстрелил, пуская пулю
В молодого айдахара.

Пуля лоб ему пробила,
Сразу наземь повалила.
Эта ловкость Утегена
Всех жигитов восхитила.

Айдахар, что жив остался,
В водопаде поплескался
И, водой омывши раны,
Провожать гостей собрался.

По отрогам и камням
Он повел их с уважением,
Воздавая Утегену
Славу, честь и восхищенье.

Шли они дорогой ровной,
Степью знойной и огромной,
И увидели под вечер
Хвойный лес—густой и темный.

Айдахар тут встрепенулся,
В горы синие вернулсЯ,
На батыра и жигитов
Не взглянул, не обернулсЯ.

Лесом шла тихонько осень.
Тих был вечер, хмур и росен.
Утеген-батыр заметил
Белый дом средь стройных сосен.

С темным страхом незнакомый,
Утеген подъехал к дому
И услышал тихий голос,
Словно дальний рокот грома.

«Ты ли это, герой Утеген,
В хвойной чаще, у каменных стен.
Ты ли это, кто тысячный день
В мире странствуешь, словно олень?»

Отчего потерял ты покой?
Почему ты не едешь домой,
И везде, кроме сизой воды,
Ты свои оставляешь следы?

Пусть жигиты тебя подождут
Под сосновый размеренный гуд,
Если смелое сердце в груди,
Слезь с коня ты и в дом заходи».

Слез с коня батыр бесстрашный,
В белый дом вошел отважно,
Там его радушно встретил
Кайберен, седой и важный.

Были в этом доме стены
Белоснежной пышной пены.
Утеген с поклоном низким
Обратился к Кайберену:

«Слушай исповедь сердца, отец,
Сединой убеленный мудрец.

Предо мною дорог миллион,
Я в дороге — и я утомлен.

Да, ты прав — потерял я покой,
Нет пути мне обратно домой.

Нет мне в мире иного пути:
Иль погибнуть, иль земли найти.

Я в родные края — в Джетгысу
На коне своем весть принесу,

Весть о новых цветущих краях,
Где найдет свое счастье казах.

Муравей, жук, кузнечик — и те
О своем помышляют гнезде.

Даже серенький воробей
Ищет лучшего места себе.

Цапля ищет зеленых болот,
Рыба в сплне глубни плавает,

Как же лучшего мне не желать,
Для народа земли не искать?

Я, как стражник, по свету брожу,
Ни здоровья, ни сил не щажу,

Горе, боль, даже смерти приход —
Все приму за родной мой народ...»

И ответил ему Кайберен:
«Честь и слава тебе, Утеген!

Ты, как беркут, могуч и удал,
Быстроног, как алтайский марал.

Тебя ждут по дороге бои,
Так послушай советы мои:

По ночам не являйся ты в дом,
Приезжай обязательно днем.

Будь в работе, в боях и в беде
Хладнокровным — всегда и везде.

Удержи, если гневен собой,
Руку правую левой рукой».

Утеген пред ним склонился,
По-сыновнему простился,
Старику сказал спасибо
И в обратный путь пустился.

Снова степи, перевалы,
Ветер горький, теплый, шальный.
Чернобурое предгорье
Перед ними поднималось.

И по ветру, над предгорьем
Лидя, плакал на просторе —
Не людской и не звериный —
Дикий голос, полный горя.

Утеген сказал жигитам:
«Слышен голос страшных пыток.
Я один во тьму поеду
И узнаю, что там скрыто.

Если враг — убью на месте,
Если друг — вернемся вместе,
В темноте на крик ответить —
Это долг батырской чести».

Взяв ружье и саблю в руки,
Утеген пошел на звуки
И увидел айдахара,
Что стонал от страшной муки.

Он изранен был поганым
Белым змеем — абжиланом,
Что стрелой в него вонзился,
Углубляя к сердцу рану.

Если сердце змей достанет,
Сердце биться перестанет.
Айдахара, чудо-зверя,
На земле тогда не станет.

Утеген подумал быстро:
«Если зверя стубит выстрел,
Белый змей тогда метнется
На меня, подобно искре.

Если ж выстрел стубит змея,
Белошкурого злодея,
Айдахар освобожденный
Благодарным быть сумеет».

Грянул выстрел. С дикой силой
Эхо грохот повторило.
У злодея-абжилана
Пуля голову пробила.

Утеген-батыр вернулся
И жигитам улыбнулся.
Стали спрашивать жигиты:
«С кем же ты, батыр, столкнулся?».

Отвечал батыр им с жаром:
«Я во мрак ходил недаром,
Погубил я абжилана,
Спас от смерти айдахара.

Спите мирно. Ночь в разгаре.
Я уверен в айдахаре.
Чудо-зверь до смерти будет
За спасенье благодарен.

Если ж воздух будет жарок
От дыханья айдахара,
Не тревожьтесь. Это значит —
Он принес нам свой подарок.

Благородно сердце в звере.
Впрочем, мы его проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В степь мы дерево положим,
Что с жигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
Тихо в травах притаились
И, огня не зажигая,
Ожиданием томились.

Ночь. Возил мышей летучих.
Тихий шорох змей ползучих.
Ни одной звезды не видно,
И луна — в косматых тучах.

Показались клубы пара —
Верный признак айдахара.
Затревожились жигиты:
Смерть несет он? Иль подарок?

Утеген могучий, стройный,
Как батыр, прошедший войны,
Не дрожал, не волновался,
Ожидал зари спокойно.

Птицы, встав с зарею вместе,
Снесли утренние вести.
Человек-бревно был виден
Все на том же самом месте.

Подшли к нему жигиты.
В изголовье были скрыты
Голова змеи и с нею
Золотой тяжелый слиток.

Светлый слиток подняв золотой,
По размерам, как чайник, большой,
Утеген им сказал: «Это дар
Благодарный принес айдахар.

Если мы совершаем добро,
Шлют нам золото и серебро,

Если ж зло совершаем, тогда
Ожидает нас зло и беда.

Надо быть справедливым всегда —
Не страшна тогда будет беда.

Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.

Всем, кто трудится, жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет,

Им везде уважение всех,
А лентяям — презренье и смех».

Перевалы, перевалы,
Горный кряж гнедой и чалый...
Утеген повел жигитов
По дороге к Кент-Аралу.

В Кент-Арале пастбищ мало.
Через камни Тас-Арала
Утеген повел жигитов
По пустыням Кум-Арала.

Сквозь песни и волны зноя
Он дорогою прямою
Вел их к водам в царство цанли,
В синий край Бирказантоя.

В глубине большой долины
Встали сосны-исполины.
Лес густой, нахмутив брови,
Пел старинные былины.

от автора
и его жены
и детей

Быстро сумерки ступились,
Травы росами умылись.
Утеген и с ним жигиты
На ночлег остановились.

Лес в дремоту погрузился,
Над костром дымок струился,
Казаны дышали жаром —
Там баран в сурпе варился.

Вдруг — из тьмы лесной и черной
Подожли к костру проворно
Две красавицы, чудесней
Чем рассвет степной и горной.

Щеки их зарей пылали,
Звездами глаза сияли.
Их прекрасные одежды,
Как жемчужины, мерцали.

Было много нежной лени
В обольстительных движениях,
И журчали голоса их,
Как ручьи среди камней.

У костра они сидели,
На жигитов не глядели,
А жигиты от красавиц
Отвести глаза не смели.

Хлебосолен и радушен,
Предложил батыр им ужин,
Но красавицы сказали:
«Шлов ваш жирный нам не нужен!»

Золотилось мясо в сале,
Все жигиты мяса взяли,
А красавицы с насмешкой
За едою наблюдали.

Вот жигиту кость попалась,
А красотка засмеялась:
«Почему живою костью
Неживая кость ломалась?»

О траву он вытер сало,
А красавица напала:
«Почему жигит неумный
Вытирает сало салом?»

Посмеялись и в мгновенье
Скрылись, словно сновиденья,
Лишь манили, удаляясь,
Звоном струн телодвиженья.

И когда затихли в мраке
Шелест, шопот, шорох всякий,
Утеген сказал жигитам:
«Это были жез-тырнаки.

Племя их порой ночью
Манит светлой красотой
И алмазными когтями
Жадно губит все живое.

Жизнь идет у них ночами.
Рвут сердца они когтями.
Когти их острее булата,
Тронут — прахом станет камень.

Мы беседуем. Однако,
Их глаза горят из мрака:
Будьте бдительны. Настала
Ночь охоты жез-тырнаков.

Жез-тырнаки злее зверя.
Мы коварность их проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В лес мы дерево положим,
Что с жигитом сплещим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе.

Так и сделали. И скрылись,
На деревьях притаились...
В темноте, держась за ветки,
Ожиданием томилась.

Ночь. В дупле пищат совыта,
Серый волк бредет куда-то.
Звезд не видно. Бледный месяц
В тучах рваных и косматых.

Утеген, укрытый тьмою,
Дожидался под сосною;
Он ружье свое проверил,
Был готов к ночному бою.

Вот в густом зловещем мраке
Свет взметнулся, словно факел.
Выстрел грохнул. Снова выстрел —
Так погибли жез-тырнаки.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Ни седла и ни халата
Больше не было на месте.

И бревно, и ткань халата,
И седла наряд богатый
Под когтями жез-тырнаков
Стали пылью сероватой.

Утеген собрал жигитов,
Снова вспомнив про Коркыта.
В путь пустился. Жез-тырнаки
Скоро были позабыты.

Степи, реки, перевалы,
Лес и горные увалы...
Море темной синевой
Перед ними засверкало.

Ветер мчался на просторе,
Волны бились, с ветром споря,
Пена хлопьями взбивалась,
Бушевало гневнó море.

Сорок суток, ветра полных,
Бились яростные волны,
Утеген, смотря на море,
Ехал строгий и безмолвный.

А за морем, сквозь туманы,
Встали желтые барханы,
Синий зной висел проклятьем
Над пустыней бездыханной.

В этом мертвом царстве каждый
Был не больше, чем однажды.
В тишине, в песках горячих
Находил он смерть от жажды.

Там стоял, как нар горбатый,
Город, вымерший когда-то,
Серый, выветренный, страшный
Как скелет, песками сжатый.

Там пески ползли и цели
Чуть заметно, еле-еле,
На песках верблюжьи кости
Ослепительно белели.

От колодца до колодца
Сгубишь десять иноходцев.
Месяц мчишь там и не встретишь
Ни реки и ни болотца.

Утеген, песком овитый,
Сорок суток вел жигитов
Сквозь безводные пустыни
И поил их всех досыта.

За песками в сизых тучах
Встал пред ними лес дремучий,
Урачный и непроходимый,
Многошумный и певучий.

Сосны, ясени и клены,
Черный дуб, чинар зеленый —
Пред жигитами стояли,
Словно войско, непреклонно.

Сорок суток через чащи,
Через лес, листвою шумящий,
Утеген с отрядом ехал
В край заветный и манящий.

Наконец, в начале лета
Начались в лесах просветы.
За лесами степь лежала,
Вся цветами разолета.

Все вокруг благоухало,
В тишине вода журчала.
Пред батыром Утегеном
Йиделы байсын предстала.

...Утеген! Вот мечтаний венец!
Ты нашел край чудес, наконец!

Посмотри, как лазурь высока,
Как привольно плывут облака!

Посмотри на разливы зари,
На степные цветы посмотри!

Посмотри, как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды,

Они слаще, чем липовый мед,
Они, падал, проселся в рот.

Без поливки и без кетменя
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.

Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри!

Здесь кояны крупнее козлов,
Воробьи здесь размером с орлов.

Посмотри на джейраньи стада —
Их никто не сочтет никогда.

Посмотри на опушки леска...
Козы черные — кара-каска.

Они ростом крупнее коней,
А их мясо ягненка нежней.

Выбрал домом себе этот край
Легендарный чудесный домбай.

Посмотри, многоводна, сильна,
Разливается речка Мана,

В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей,

А в степях, среди трав и цветов,
Много пестрых фазанов и дроф.

Ты смотри и любуйся, батыр,
Пред тобою нетронутый мир,

Где родной твой казахский народ
Земли, воды и счастье найдет.

Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни...

Утеген не хотел отдыхать,
Слез с коня он и начал искать.

Он искал сорок дней и ночей
Трав пригодных для корма коней.

Степь от края до края прошел —
Только трав этих он не нашел.

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?

Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.

И заплакал в степи Утеген,
Как герой заарканенный в плен,

Как в песках раскаленных седок,
Конь которого рухнул, издох.

Обступила его темнота.
Умирала в батыре мечта.

И пошел Утеген в темноту
Хоронить золотую мечту.

...Утеген, Утеген! Где же ты?

Я, Джамбул, из степей Джетысу
Тебе новые вести несу.

Если б мог из могилы ты встать
И сейчас Джетысу увидеть,

Не узнал бы родной страны,
Перед явью померкли сны.

Посмотри — озарен, осиян,
Встал одетый в лучи Казахстан.

От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор.

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.

У казахов цветет свой флаг,
Как горячий пушурный мак.

У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.

У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.

У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.

Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.

И своя в водосемах вода,
И свои по степям города.

Посмотри, мой джолдас, посмотри —

Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна!

Кара-тау дает свинец,
Кокче-тау гонит овец.

Тянет с золотом руки Алтай.
Медь обильно дает Карсакнай.

Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент.

Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.

Скачет так, что трясется земля
По степям, где лишь ветер гулял,

Меж озер и меж каменных глыб
Воропой, с дымной гривой, Туркенб.

Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.

В Эмбе гордые вышки стоят
И кипит нефтяной водопад.

В Кармакчинской степи зреет рис.
К Ала-тау сады поднялись,

А в садах, слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.

А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты

С белой шерстью нежней облаков.
Табуны вороных скакунов,

Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гвєдых скакунов

Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.

На закате, что сиз и багров,
Над стадами молочных коров

Пыль клубится и пахнет кругом
Теплым, сладким, парным молоком.

А когда отпылает закат
И начнется во тьме звездопад,

Чабаны, как детишек, хранят,
Теплых, мягких, безрогих телят,

Тонкорунных, кудрявых ягнят,
Тонковогих степных жеребят,

Неуклюжих смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.

И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат

Край народной заветной мечты,
Край обилия и красоты.

Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, мой джолдас, посмотри —

На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.

На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал.

По степям, где трава и вода,
Вольно бродят джейраньи стада.

Все, что щедро цветет и поет,
Это наше — твое и мое!

Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!

Разогнул свою спину казах
И почувствовал солнце в глазах.

За спиною не стало горба,
Человеком он стал из раба,

Эту правду и солнечный свет,
Эту звонкую радость побед,

Эту жизнь без насилья и слез
Ленин Сталин мудрый и добрый принес.

Он батыр из батыров. О нем
Песни грянули ветры и гром,

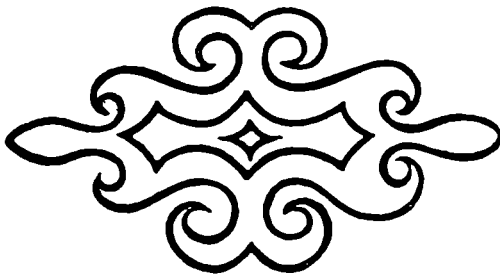
И кипящий горный поток,
И звенящий в барханах песок,

И на ветках весенних листы,
И ручьи, что звонки и чисты,

И серебряный грозный буран,
И жирши и акыны всех стран.

Сталин — солнце! Гори и свети!
Богатырским здоровьем цвети!

И неси — всемогуч и силен —
Счастье людям всех стран и времен!

МОЯ РОДИНА

Джамбулу сейчас девяносто лет,
Но крепко Джамбул сидит в седле.
Приехал он в радостный, новый стан.
Встречает певца родной Казахстан!
С почетом певца встречает аул.
Песни пой во весь голос, Джамбул!
Пришли и мои немере-шубере:
«Спой нам, отец, и сыграй на домбре!»
Народ мне настроил душу мою,
И я для народа песню пою:

...Девяносто лет табуны паслись,
Девяносто лет ковыли цвели,
Девяносто лет в облаках несли
Песни свои журавли.
Девяносто лет стремена звенят.
Девяносто лет согнули меня.
Девяносто лет я берег коня,
Чтоб подъехать к новым дням...

Смотрите — моя голова седа,
Смотрите — бела моя борода,
Смотрите — в глазах кровь и вода.
Много я в жизни видал.

Мой род не седлал степных бегушцов,
Тавро украшало мое лицо.
Но я в состязаньях песней отцов
Побеждал степных певцов.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-замаи?
Семьдесят лет в старом седле
По чужой я проехал земле,
По чужой я проехал стране
На усталом и бедном коне.
Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Много данов ты знала, степь моя,
Море слез пролила ты, степь моя.
На плечах своих пронес мой народ
Суровых законов гнет.
Врывалась коканов волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада,
Бешеный хан Куснега палетал,
Кровь его ядом была налита,
В глазах его вечно стояла ночь.
Хан у народа любимую дочь
В жены насильно к себе уводил.
Сердце он вырвал из нашей груди.
Тогда в джайлыу пыль поднималась,
Тогда в озерах вода волновалась,
Тогда над степями с клекотом злым
Тревожно летали орлы...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-замаи?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Был хан Аблай. Как голодный шакал,
Он по аулам добычу искал.
Юрту хана датки окружали,
Нукеры хана оберегали...
Баям с Аблаем привольно жилось,
Баям он дал золотое седло.
А тем, чьи плечи сдарила сума,
Был он как злая степная зима.
Память открыла мне повесть одну...
Любимому сыну вез хан жену.
Красавица ехала на коне,
Рабыни усталые шли за ней,
Судьба им хомут тяжелый дала —
Дешевле овцы их жизнь была.
Слушала степь их беспомощный стон
И проклинала ханский закон.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Джангера какой забудет аул?
В степях проносился далекий гул,
И змеи ползли из разных концов,
Край мой сжимало тугое кольцо.
С русским царем принес Джангер-хан
В подарок народу плеть да аркан.
Как волки, зубами арка рвали,
Раны горячие оставляли,
Лучшие выпасы наши брали,
Лучшие реки у нас украли,
Лучший табун из степей увели,
Наши родные кибитки сожгли.
Оставили нам пески да пустырь,
Душу народа они на пласты
Резали. Ханское было кадэ.
Защиты народ не нашел нигде...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Царских приказов хитрый вершитель,
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана;
С ним появились: мирза, старшина.
В байскую юрту сам бий приезжал,
На мягких подушках бий ночевал,
На бийской груди блестела медаль...
Кипели котлы. Бурлила вода...
В юрте, белее чем вымытый мел,
Бай на коврах сыр-дарьинских сидел.
Керсень дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.

.....
Кедей-бишара был похож на тень,
На голом теле — колючий чекмень.
Малай-бишара с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной,
Бураны его заматали зимой.
Родная жена и две сестры
Для байбише разводили костры.
Сынишка любимый ласки не знал,
Отцовская доля и сыну верна —
Пас он в огарах байских ягнят,
С детства на сердце обиду храня.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.

Труб золотых разносился зов —
Армия вечных рабынь и рабов,
Сильная, грозная армия шла,
Дворцы захватила и трофеи снесла,
Волчьих законов разрушила строй...
В грязь покатишься венец золотой.
Тогда над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях гор костры зажигали,
Чтоб родная Москва увидела,
Как по горам, долинам, увалам
Степь выходила к бунтарским гонцам.
С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина радость пришла!
С именем Сталина степь зацвела!
Их имена кеден несли.
Байскую свору, как падаль, жгли.
С байских халатов кеден сорвали
Царские золотые медали!
Я в песнях прославил тот смелый год.
С ним вместе родился и мой народ,
Источники жизни забили в нем,
Смел и велик он в движение своем!
С тем годом воскресла моя душа,
Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
Проклятый заман отошел, как буран.
Спасибо, Сталин, тебе, данишпан!
Расстался Джамбул с своей горькой судьбой.
Спасибо тебе, Сталин родной!

Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Шей свои песни громче, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед

За двадцать советских лет!»
В колхозном ауле радость живет,
В колхозном ауле сердце мое,
В роскошном ауле звонко поет
Старик, проклинавший недавно судьбу,
Счастливый певец, Джамбул!

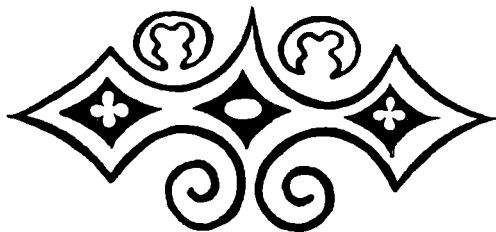
Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши,
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.
С пророком хотел я тебя сравнить,
С пророком не мог я тебя сравнить —
Правду пророк не умел говорить!
В словах твоих, Сталин, правда и свет,
Меркнут пред ними фарыз-сундег.
Хотел с океаном тебя сравнить,
Не мог с океаном тебя сравнить!
И в океане порой корабли
С распоротым дном сидят на мели...
С полярной звездой хотел сравнить,
С полярной звездой не мог сравнить!
Она, как приколотая гвоздем,
Вечно стоит на месте своем...
С горами хотел я тебя сравнить,
Из гор тебе не равна ни одна —
У каждой горы вершина видна...
Хотел тебя с полной луной сравнить,
Не мог тебя с полной луной сравнить!
В небе она холодна и бледна,
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить,
Не мог тебя я и с солнцем сравнить!
Может и солнце порой изменить —
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин как вечный огонь горит.

С родной домброй по степям я пройду,
Сокровище слов в народе найду.
Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколенья
Достойное Сталина сравненье!

Спасибо тебе, Сталин мой!
Расстался Джамбул с горькой судьбой.
Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом, степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Пой свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!»

1936

ПОЭМА О ВОРОШИЛОВЕ

★

I

Вселенная снова в крови и пожаре,
Повело запахом стали и гари.

В горах Абиссинии стоны ветров.
В Испании льется горячая кровь.

Гремит канонада в китайских краях.
Манчжурские реки поют о боях.

И ночью дивятся в степях чабаны
Рубиновым Марсом — звездой войны.

Тревогой шумит созревающий колос,
И я поднимаю взволнованный голос

Над степью, зовущей в синий простор,
Над цепью мерцающих жемчугом гор,

Над звонко кипящим в горах водопадом,
Над тронутым розами яблонным садом,

Над плеском арыков, пугающих тишь,
Над желтой рекой, где куга и камыш,

Над тополем стройным, как наши казашки,
Над морем тюльпанов и белой ромашки,

Над прудом, который и розов и сиз,
Над полем, где спеет серебряный рис.

Кочуй, моя песня!
Будь гостьей желанной
В просторных, ковыльных степях Казахстана,

В садах и на пастбищах Узбекистана,
В кибитках коврового Туркменистана,

В предгорьях орлиного Таджикистана,
В полях нефтеносного Азербайджана!

Лети, моя песня, как сокол быстра,
В одиннадцать сказочных сталинских стран!

Я стар и сажу, словно беркут, сутуло,
Но сердцем желаю, чтоб голос Джамбула,

Под гул водопада, под пенье струны,
Вплелся в голоса самой юной страны.

В поэме о битвах и трудной дороге
Да будут слова мои скуны и строги.

Герой мой — любимец великой страны,
Ему ордена и отличья даны.

Его воспитали нам Ленин и Сталин
Наркомом огня, героизма и стали.

О жизни, идущей в трудах и боях,
О Клите-батыре поэма моя.

Под царским орлом, под червонной короной
 Стонали от черной нужды миллионы.

Стонал от обиды и гори казах,
 Стонал украинец с тоскою в глазах.

Под байской камчой, под помещичьей плетью
 Расправы кончались увечьем и смертию.

Звенел в украинских краях бандурист
 О том же, о чем в Казахстане домбрист.

В степях Казахстана, в полях Украины
 Трещали и гнулись бедняцкие спины.

Чужими руками собрав урожай,
 Помещики жили, как жирные бай.

Чтоб сделать народ и глухим и слепым,
 Как муллы, дурманили разум попы.

Полиция стай вороньей кружила.
 В те годы родился там Клим Ворошилов,

Сын бедного люда, труда и нужды,
 Он рос, как весенний цветок без воды.

Его не ласкала весна голубая.
 Он с детства чабанил у жадного бая.

За стадом хозяйским ходил он босой,
 Ел хлеб с лебедой, умывался росой.

Казахи! Под зноем высокого неба
 Узнали мы горечь хозяйского хлеба.

Как Клима, дожди нас нещадно секли,
Как Клима, нас ветры горячие жгли,

Как Клим, мы под небом в степях ночевали
И, как Ворошилов, отрады не знали.

Голодные шли мы в бураны и мрак,
В то время как бай пожирал бесбармак.

Того, кто, как все мы, чабанил когда-то,
Мы ценим, как друга, и любим, как брата.

Судьба Ворошилова — наша судьба.
Борьба Ворошилова — наша борьба.

Ночами в бескрайних степях Казахстана
Мигают чабаны костры из тумана.

И каждый чабан вечером у огня
Гадает, какого же выбрать коня.

Ходить за конем, как за сыном любимым,
И нежить и холить в подарок для Клима.

Пасутся в зеленых степях табуны,
Для Клима растут в табунах скакуны.

III

Хоть детство у Клима и было несатым,
Но вырос он стройным, веселым жигитом.

Глаза его лили тепло, как лучи,
А голос звенел, как весною ручьи.

Работал он много, и живо кипело
В руках его самое трудное дело.

В Донбассе, в суровом шахтерском гнезде,
Где люди и уголь как в Караганде,

Он был на заводе, что глухо грохочет,
В кругу украинских и русских рабочих,

Таких же бездельных и бедных, как Клим,
Привычно глотавших удушливый дым.

Их жизнь протекала в нужде и печали,
Страдали они, но угрюмо молчали.

Клим песни Шевченко любил распевать,
Учился обиды врагам не прощать.

На черных заводах и в шахтах Донбасса
Свой гнев накаляла рабочая масса,

Она к забастовке готова была,
Молчала и только сигнала ждала.

И подал сигнал наступления Клим,
И двинулась грозная масса за ним,

И ветер раздул, как костровое пламя,
Горячее, красное, гневное знамя.

Пред Климом восход лучезарный блеснул
И ветер восстания в уши свистнул.

Казахи! Искать ли далеко примера!
Мы помним восстание против Джангера,

Когда против хапа поднял Исатай
Степной, изнуренный, истерзанный край,

Когда длинногривые кони летели,
Облитые заревом сабли блестели

И злобные стоны бегущих врагов
Сливались с музыкой звонких подков.

У Клима отвага и воля крутая,
И львиная сила, как у Исатая,

И дум чистота, и горячая кровь,
И пламенный ум, и к народу любовь.

И в юности ранней, как в зрелые годы,
Боролся он смело с врагами народа.

IV

Неслись над страной под плач похоронный
Железные стоны,
Кандалные звоны.

Всех лучших людей император бросал
В сибирскую стужу, в седые леса.

Туда, где бураном пути задушило,
Шагал под конвоем и Клим Ворошилов.

Но он перед царским штыком не дрожал,
Из ссылки суровой он скоро бежал.

Скрываясь, тайком, с неудачами споря,
Пробрался к прибою Каспийского моря,

Где черными вышками на берегу
Стояло, пропахшее нефтью, Баку.

Мы помним могильные душные ночи,
Мы знаем заслуги бакинских рабочих,

Которых коронный злодей не сломил,
Которых сам Сталин на штурмы водил.

В Баку нефтеносном ни разу я не был,
Но встала в глазах моих вышками Эмба,

Звезда Казахстана, царица ночей,
Жемчужина черная наших степей.

Там, мощно из недр извергаясь глубоких,
Поют, как в Баку, нефтяные потоки.

Мы видели много на нашем веку,
Мы смотрим на Эмбу и видим Баку.

Сквозь прошлые годы, как в проседи дыма,
Мы видим в Баку Ворошилова Клина,

И с ним человека суровой красоты,
Кто умный свой смех любит прятать в усы.

Кто дал нам, казахам, руками своими
Свободу,
И земли,
И самое имя,

Кто в Грузии вырос, как горный орел,
В Баку прилетел и к победам повел...

Как счастлив был Клим, большевик из Донбасса.
Работать с вождем восстающего класса.

Речам его мудрым и ясным внимать,
Его понимать и ему помогать,

С ним вместе в подполье готовиться к бою,
Чтоб стать навсегда его правой рукою,

И быть с ним всегда заодно на земле —
В подполье, в окопах, в боях и в Кремле.

В грозную пору народных волнений
Живил нас сияющий ленинский гений,

Глаз Ленина видел вперед на века,
Была его мудрость, как жизнь, велика.

И с Лениным вместе, как он гениален,
Учил нас соратник и друг его Сталин.

Учили они не сдаваться судьбе,
Учили великой священной борьбе.

Вожди человечества Ленин и Сталин
На штурмы вели и к восстанию звали.

Был клич их к народу могуч и грозов,
И Клим Ворошилов слышал их зов.

Сидел еще царь Николай на престоле,
А Клим Ворошилов — в глубоком подполье.

Пред темными тюрьмами Клим не дрожал,
Жигитов винтовками вооружал,

Чтоб биться за солнце, за воздух, за волю,
За счастье народа, за светлую долю,

Чтоб шахты у жадных хозяев отнять,
У жирных помещиков земли забрать,

Чтоб вырвать у баев стада и джайлау,
Что нами добыто,
Что наше по праву.

Чтоб силой оружия добиться победы,
Чтоб свергнуть позорную власть мироедов,

Чтоб, гневом и ненавистью горя,
С престола согнать кровопийцу-царя.

Не так ли Жалбыр — полководец великий
Ковал для народа казахского пики?

Не так ли он речи к жигитам держал
И острыми саблями вооружал?

Не так ли заполнил он степи верблюдьми
Мятежным, торжественным звоном оружия?

Как гневный Жалбыр в угнетенном ауле,
Готовил царю не подарки, а пули,

Так Клим, ненавидящий трон и венец,
Готовил царю не поклон, а свинец.

С казахским любимым героем Жалбыром
Могу я сравнить только Клима-батыра.

У Клима с Жалбыром дорога одна,
Их чтит как героев и любит страна.

О подвигах их на горах и в долинах
Сплетают легенды, слагают былины.

И в песнях прославлены их имена
Во всех поколениях, на все времена.

VI

Октябрь прогремел над страной, как гром.
Парил Ворошилов могучим орлом.

В тревожные годы когтил он немало
Врагов революции — подлых шакалов.

Куда прилетал он, орел молодой,
Стихал там шакалий, озлобленный вой.

В стране создавались и крепили советы,
И Ленин писал для народа декреты.

Декреты, в которых цвели, как цветы,
Сбывались былых поколений мечты.

Декреты, в которых нашли воплощенье
Асава Кайгы золотые виденья.

Навек беднота получила тогда
И земли, и воды, и степь, и стада.

Запела о счастье страпа молодая,
Но злобных стервятников черная стая

Летела, чтоб когти расправить, напасть,
Чтоб светлое счастье народа украсть,

Чтоб в прах превратить, и развеять советы,
И, в клочья порвав, уничтожить декреты.

Померкла высоких небес бирюза.
Нависла зловещим покровом гроза.

Тогда тишина над страной раскололась,
Ударил в сердца наши ленинский голос.

Как в бурю Арала грохочущий вал,
Он бился, кипел и к оружию звал.

И вышли на призыв посланцы народа
Из копей, из фабрик, из черных заводов.

И встали под знамя, что крови алей,
И начали бой на горщей земле.

**И стал Ворошилов народным батыром,
Главой партизан, боевым командиром.**

**В борьбу без остатка себя он вложил —
Все силы, весь опыт, все чувства и пыл.**

**Вот так же в ковыльных степях Казахстана
Пастушьи отряды в дырявых чапанах**

**Пошли за батыром Амангельды,
За сыном народа и горькой нужды.**

**Он бился, отважный, как барс молодой,
За новый, за светлый, за солнечный строй.**

**О нем, кто был нашего счастья предвестник,
В кибитках слагают легенды и песни:**

**В тебе, Ворошилов, батыр бедноты,
Орлиное сердце Амангельды,**

**И смелость, и ум, и кипение сил,
И близость к народу, и песенный пыл.**

VII

**Не волки голодные, степи обшарив,
Оврагами крались к овечьей отаре,**

**Не беркут пуховых ягнят сторожил,
Не ворон над трупом жигита кружил,**

**Не стая шакалов ползла за орлом,
Упавшим в степи с перебитым крылом —**

**В страну, где помещичьей власти не стало,
Кровавой дорогою шли генералы.**

С востока спешил кровожадный Колчак,
Шел с юга Деникин со сворой собак,

И с запада лезли,
И с севера мчались,
Их крики и вой над страной раздавались.

Царицын на Волге, как крепость, стоял,
Ключи от Москвы он в ту пору держал.

Стремилась к нему и Колчак и Деникин
Под топоты, взрывы, проклятья и крики.

В горенье и дыме царицынских дней
Решалась судьба революции всей.

Там к смерти готовы, под гул канонады
Встречали врагов боевые отряды,

Там ливни хлестали, но порох был сух—
Там Сталин,
Там правда,
Там сталинский дух.

В трудах обороны, в раскатах сражений
Сказался немеркнущий сталинский гений,

И опыт могучий, и пыл боевой,
И сила, и знания, и воля его.

Над Волгой тревожно металась зарницы,
Стоял, как утес неприступный, Царицын.

Врагов революции Сталин крушил,
К нему Ворошилов на помощь спешил.

На волжскую ширь, с бирюзового Дона
Он к Сталину вел боевые колонны.

Так снова сошлись под огнем боевым
Батыр революции Сталин и Клим.

Умел Ворошилов с врагами бороться,
И Сталин назначил его полководцем.

И двинул войска в наступление Клим,
И вспыхнула золотом сабля над ним.

Не знала история старого мира
Такого, как Клим, полководца-батыра.

Где было опасно — туда он скакал
И, в битву кидаясь, бойцов увлекал.

За Климом, как птица, победа летела,
И Волга от вражеской крови краснела.

Враги откатились. И мужества полн,
Царицын стоял, как утес среди волн.

Сказал Ворошилов: «Враги отступили,
А сабли и пики у нас не ступились...»

И Сталин, потрогав рукою усы,
Светло улыбаясь, промолвил: «Жаксы».

VIII

Акыны, степные кудесники слова,
В часы бесбармака и жирного плова.

В часы, когда пенился крепкий кумыс,
Скажите — о ком ваши песни лились?

И скажут акыны, волшебники слова:
Мы в песнях отца прославляли родного,

Кто ласков и мудр, гениален и прост,
Кто выше луны и сверкающих звезд,

Кто шире Арала и выше Памира,
Кто солнцем сияет для целого мира —

О Сталине слушала песни толпа,
Когда в казанах закипала сурпа.

И скажут акыны, искусники струн,
Мы пели о том, кто отбил наш табун,

О том, кто отбил у врагов наши степи,
О том, кто разбил наши ржавые щели,

О сталинском друге, любимом в стране,
О Климе-батыре на верном коне...

И силу почувствует старый Джамбул.
И слово Джамбула покинет аул.

Взвьется то слово высоко-высоко,
Как ловчая птица, заоблачный сокол.

И слово Джамбула расскажет стране
О Климе-батыре на рыжем коне.

...На рыжем коне, забывая про отдых,
Рубил он врагов в знаменитых походах.

Ни ночью, ни днем не слезал он с седла,
С ним Первая конная армия шла,

Шла конная лава, великая сила,
Чья слава дела Искандера затмила.

Деникин разбит ею, Врангель разбит,
И в Польше следы ее звонких копыт.

ПРИВЕТ НАРОДА

Песни рождались в аулах степных,
Песни истерзанной рабством страны,

Песни в столетьях ползли, как пески,
Песни печали, нужды и тоски...

Семьдесят лет я сквозь слезы шел,
В юртах дырявых, в голодной толпе,

В холодных кстау и в нищих аулах
О жизни тяжелой, как груз саксаула,

О жизни крутой, как оленья гора,
Пела надтреснутая домбра.

Радость моя пришла в Октябре,
Радость принес московский декрет.

Я с новой песней пришел на котан,
И вместе с Джамбулом запел Казахстан.

С тех пор, как юнец, я от счастья горю,
Я родине лучшие песни дарю.

Как сад Гюлистана, степь зацвела,
Богатую юрту мне жизнь дала.

Чудесный она постелила ковер
Мне от Син-Цзы до Уральских гор,

Она мне разгладила складки на лбу.
Шагает помолодевший Джамбул,

Народу его навсегда отданы
Богатства великой счастливой страны.

Медь Карсакная, свинец Кара-тау,
Долины цветущего Ала-тау,

Сокровища белой алтайской руды
И черное золото Караганды,

Эмбы горючей густые фонтаны,
Реки, моря и леса Казахстана,

Хлопок Чимкента, богатство отар,
Душистые яблоки Алма-Ата.

И больше глаза мои не встречали
Прежнего горя, нужды и печали.

Рука степняка поезда повела
В бескрайних пустынях Бетнак-Дала.

В степях по аулам несется молва —
Акына Джамбула встречает Москва.

Товарищ Молотов! В дар прими
Простые, народные песни мои.

В сердце я имя твое сохранил,
Великого Лецина ученик,

Великого Сталина верный друг,
С ними и ты мое счастье ковал,
С ними и ты декрет подписал

И радость вселил в миллионы сердец.
Привез эту радость народа певец.
Струны Джамбула звенят по Москве —

Тебе от колхозных аулов привет!
Тебе от счастливых степей привет!
Тебе от народа сердечный привет!

1936

КЛИМ-БАТЫР

Чингис-хан, с твоей сабли кривой
Кровь стекала густою струей.

Где ступала твоя нога,
Степь лежала мертва и нага.

Там, где двигались орды твои,
Утопали народы в крови.

Ты был хищник, палач и тиран —
Вот в чем слава твоя, Чингис-хан...

Ты умел только жечь и рубить.
Не могу тебя с Климом сравнить.

Клим тебе, Чингис-хан, не чета,
Ему славу кричат кречета.

Не потоки крови и слез —
Ворошилов нам счастье принес.

И счастливый свободный народ
Другом Сталина Клина зовет.

Славен был легендарный Али,
Дау, якобы, мог он свалить.

Не сдержи-де его Израил,
Он бы землю на плечи взвалил.

Так несла его славу молва,
Но ведь это — одни лишь слова.

Это вымысел мулл и ложь,
Только в сказках Али хорош.

Как я Клима сравню с Али?
Силу Клима мы видеть могли.

Пой, акын, силу Клима славь,
Его сила не сон, а явь!

Клим арстаном сражался в боях,
Он не знал, что такое страх,

В годы трудной, большой войны
Разбросал он врагов страны.

Неспроста возрожденный народ
Другом Сталина Клима зовет!

Я смотрю в глубину времен —
Много было великих имен!

Искандер был известен всем,
Возвеличен в поэме Рустем,

У киргизов был славен Манас,
Кене-хан был в степях у нас...

Шли кровавой дорогой войны
Белоснежные их скакуны.

Полководцы вели полки,
И знамена вились, высоки.

Но их слава недолго цвела,
Кратковременною была.

Каждый, сколько ни был знаменит,
В новых битвах бывал разбит.

И в залитых кровью степях
Оставался от славы прах...

Ты один, звездоносец Клим,
С полководцами несравним.

Ты проходишь дорогой побед,
У тебя поражений нет.

Ты народом крепко любим
И поэтому непобедим.

Тебя Ленин учил борьбе,
Тебя Сталин учил борьбе.

Ты мужал, закалялся в борьбе,
Нет по силе равных тебе.

Климу-джан я подарок ищу,
В табуне жеребенка рощу.

Тонконового сосунка
Хочу, словно родного сынка.

По весне сосунок будет тай,
Станет шерстка нежна и чиста.

Подрастет, будет резвый кулан,
Подивится ему Казахстан.

А потом зашумят по стране
О чудесном дунен-скакуне.

Май повеет душистым теплом,
Станет конь мой ходить под седлом,

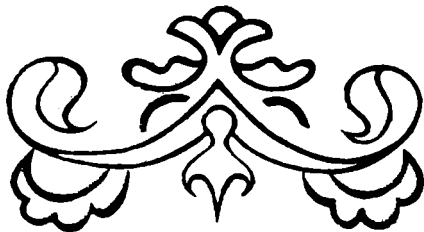
Через реки и горы скакать
И в дороге не уставать.

И тебе, Клим, кто равен звезде,
Я вручу драгоценный дар.

Это будет в узорной узде
Золотой, огнегривый Тулпар!

1936

ПЕСНЯ О ДРУГЕ СТАЛИНА

Меж Ер-Назаром и шумной Москвой
Гребни Уральских гор,
Степи, дуга с изумрудной травой,
Волга, сияющая бирюзой,
Яшмовый блеск озер...

Если бы мне снарядить караван
И на верблюжьем горбу
Ехать в Москву сквозь росу и туман,
Я проклинал бы судьбу.

Сдохли бы все мои верблюды,
Дождь бы размыл следы,
Я бы покинул аул молодым,
Прибыл в Москву седым...

Но не седлал я себе верблюда,
И не седлал коня,
Мчали сквозь степи твои поезда
Легче журги меня.

Волны бежали в густой траве,
Степь утопала в цветах.
Поезд от Алма-Аты к Москве
Повел машинист-казах.

Поезд не опоздал ни на час,
Во-время прибыл он.
Твой, Каганович, могуч приказ,
Слово твое — закон.

Армию смелых ведешь за собой,
Сталинец верный ты.
И засиял семафор звездой,
Рельсы легли, и над сизой водой
Встали стальные мосты.

А в Казахстане — гриваст, красив,
Словно миллионом копыт,
Огненный и вороной Турксиб
Звонко в степях гудит.

А в Казахстане цветет душа,
Радуясь быстрой езде,
От голубого, как день, Балхаша
К черной Караганде.

Это все дело твоей головы,
Труд твоих крепких рук,
Смелый и сильный, как сильные львы,
Сталинский близкий друг!

В недра земли я в Москве попал,
В мраморное метро.
Там, как от сказочных опахал,
Веет прохлада ветров.

Поезд подземный летит стрелой,
Лестница как водопад.
Лампочки в этом дворце под землей
Ярче созвездий горят.

Нет, ни в одной из подлунных стран
Так не поют сердца!

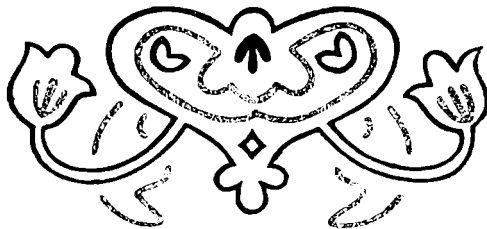
Нет, никогда и сильнейший хан
Не жил в таких дворцах!

Ты, Каганович, метро создал,
Подвиги ты вдохновлял,
Первым лопату ты в руки взял,
Недра земли ты первым копал,
Первый давал сигнал...

Пусть в тебе силы кипят и растут,
Будь ты здоровьем богат,
И вдохновляй возрожденный люд
На большевистский доблестный труд,
Сталина младший брат!

1936

Я СЛЫШАЛ СТАЛИНА

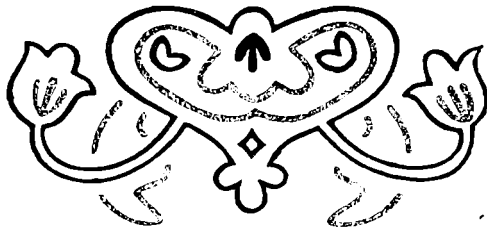
Снега Ала-тау одеты в закат,
В последних лучах, как рубины, горят.
Звезда серебрится, и в яблонный сад
По радио вести летят.

Я слышу их, хмуря суровую бровь,
И старое сердце волнуется вновь.
В Испании кровь, в Манчжурии кровь
И в Абиссинии кровь...

Но вот из далеких кремлевских палат
Овации горным потоком гудят,
Сердца согревая, планету будя,
Доносится голос вождя.

Волнуется мир, тишина разлилась.
Настал на земле исторический час.
С трибуны звучит, как могучий набат,
Вождя гениальный доклад.

Казахи в степях, грузины в горах,
Зыряне в лесах, белоруссы в полях —
Народы, чтоб каждое слово сберечь,
Слушают Сталина речь.

Я СЛЫШАЛ СТАЛИНА

Снега Ала-тау одеты в закат,
В последних лучах, как рубины, горят.
Звезда серебрится, и в яблонный сад
По радио вести летят.

Я слышу их, хмуря суровую бровь,
И старое сердце волнуется вновь.
В Испании кровь, в Манчжурии кровь
И в Абиссинии кровь...

Но вот из далеких кремлевских палат
Овации горным потоком гудят,
Сердца согревая, планету будя,
Доносится голос вождя.

Волнуется мир, тишина разлилась.
Настал на земле исторический час.
С трибуны звучит, как могучий набат,
Вождя гениальный доклад.

Казахи в степях, грузины в горах,
Зырanye в лесах, белоруссы в полях —
Народы, чтоб каждое слово сберечь,
Слушают Сталина речь.

В ней пламя бушует, в ней мощь налита,
В ней сила, уверенность и красота,
В ней веет отцовская теплота,
Она кристально проста.

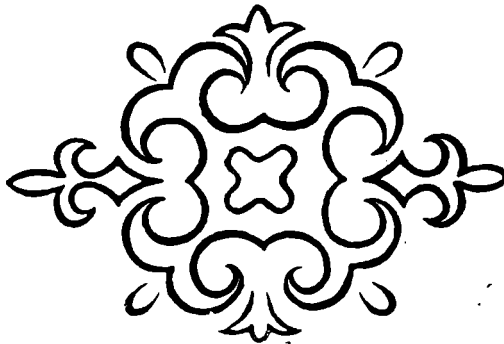
Слова Конституции миру звучат,
И каждое слово — теплее луча,
Светлее зари, яснее звезды,
Свежее, чем в августе плоды.

Ну как мне забыть этот день в ноябре,
Ну как мне не петь, не играть на домбре
И, сердцем к отцу всех народов летя,
Не радоваться, как дитя!

Ты первый из генеев всех времен —
Ты дал всем народам счастливый Закон.
И я говорю тебе вместе с страной:
Спасибо, Сталин родной!

1936

о вкс
ВЕЛИКИЙ СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, стени, акына Джамбула!

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,

От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.

Законы Аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.

По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали.

По этим законам аулы редели,
По этим законам баи жирели
И крепко на шее народа сидели.

По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Маленький след — дорогу рождает,
Море — из родника вырастает,

Из камня — упругая сталь выходит,
Из слова — рождается мудрость в народе.

От жизни счастливой — рождаются дети,
Самые радостные на свете!

А с ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней!

Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракон,
Я славлю Великий Советский Закон.

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,

Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,

Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.

Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта,

Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.

Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы.

Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.)

✓

Пойте, акыны, пусть песни полюбятся!
Пойте о Сталинской Конституции.

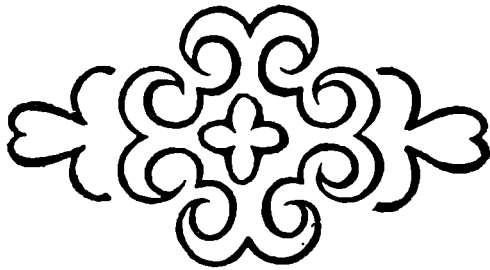
С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,

С песней о Родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей.

Заботой согрел миллионы сердец
Сталин—мудрейший, любимый отец!

1936

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ НАРОДОВ

Коня мне седлайте! Мне юрта тесна!
Над степью плывет голубая весна.

Запели у юрт черноглазые кыз,
Запенился нежный душистый кумыс.

Над гнездами вьются веселые птицы,
И ржаньем зовут жеребят кобылицы.

И белые лебеди в небе плывут
Над степью зеленою, как изумруд.

Цветущая степь! Ты волшебней мечты.
Огнем самоцветов сверкают цветы.

Пурпурные маки пылают, как пламя.
Степные тюльпаны блестят лепестками.

Как крупные яхонты, розы горят,
И белые лилии льют аромат.

Но песни весенней чудесней и краше,
Цветешь ты, любимая Родина наша!

Одиннадцать стран в окруженье врагов
Цветут, как одиннадцать пышных садов.

Звенят победителей голоса,
У нас богатырские чудеса!

Немало героев шагает меж нами,
Чьи гордые груди горят орденами.

Ни грозы, ни бури для нас не опасны,
И море, и суша, и высь нам подвластны.

Недаром же нас зарубежный народ
Ударной бригадой вселенной зовет.

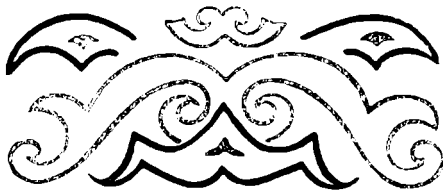
Наш век громыхал канонадой походов,
Наш век стал весной счастливых народов,

И песня — как солнце, как кровь горяча,
И жизнь, словно степи, сияет в лучах.

Икуйте и пойте, народы! Над нами —
Великого Сталина имя и знамя,
И клич большевистский его боевой,
И слово, и воля, и гений его!

1937

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Горд и счастлив я, старый Джамбул,
Мое сердце поет, как струна.
Меня слышит не только аул,
Меня слушает вся страна.
Через степи и через Урал,
Через Волгу и через поля
Поезд, словно Тулпар, меня мчал
Силой пара и силой угля.
И за то, что я мчался, как ветер, к Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ай, как Родина хороша,
Ах, как город Москва пригож!
Замирает от счастья душа,
По рукам пробегает дрожь.
Я б еще девяносто лет
Жил, как самый последний кедей,
Чтобы час побывать в Кремле,
Чтобы вновь посетить мавзолеей.
И за то, что я песни пою о Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

В сердце мира стоит мавзолеей,
Спит в нем Ленин в сени знамен...

Но живительный свет земле
И в гробу излучает он.
У него ума — океан,
Грел людей он сердцем большим.
Он был храбр и могуч, как арстан,
И в борьбе был несокрушим.
Сталин, солнце мое, я понял в Москве:
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе!

В день сияющий, как бирюза,
Был в Кремле я в кругу друзей.
Увидали мои глаза
Величайшего из людей.
Ты, чье имя достигло звезд
Славой первого мудреца,
Был внимателен, ласков, прост
И родней родного отца.
За радушный, отцовский прием в Кремле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Я спускался с думброй в метро,
Был в волшебном дворце под землей,
Поезд мчал меня легче ветров,
Ослепляя звездой золотой.
Каганович! Ты Сталину друг.
Поезда твои славят Джамбул.
Песни рельс и колес перестук
Знает каждый казахский аул.
И за то, что вождей воспитал нам в борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Пышно братство народов цветет,
Счастлив русский, грузин, казах...
Наша родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в бою.
А границы зорко хранит
Тот, кто в Сталине видит пример,
Для врагов неприступный гранит,
Клим-батыр, первый кзыл-аскер.

Но живительный свет земле
И в гробу излучает он.
У него ума — океан,
Грел людей он сердцем большим.
Он был храбр и могуч, как арстан,
И в борьбе был несокрушим.
Сталин, солнце мое, я понял в Москве:
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе!

В день сияющий, как бирюза,
Был в Кремле я в кругу друзей.
Увидали мои глаза
Величайшего из людей.
Ты, чье имя достигло звезд
Славой первого мудреца,
Был внимателен, ласков, прост
И родней родного отца.
За радушный, отцовский прием в Кремле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Я спускался с думброй в метро,
Был в волшебном дворце под землей,
Поезд мчал меня легче ветров,
Ослепляя звездой золотой.
Каганович! Ты Сталину друг.
Поезда твои славят Джамбул.
Песни рельс и колес перестук
Знает каждый казахский аул.
И за то, что вождей воспитал нам в борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Пышно братство народов цветет.
Счастлив русский, грузин, казах...
Наша родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в боях.
А границы зорко хранит
Тот, кто в Сталине видит пример,
Для врагов неприступный гранит,
Клим-батыр, первый кзыл-аскер.

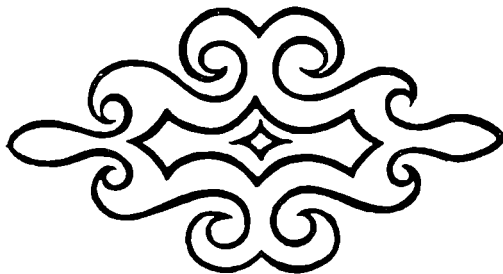
И за то, что винтовка готова к стрельбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

У меня халат из парчи,
Кунный мех на шапке моей,
А вокруг цветы и лучи,
И улыбки весны светлей!..
Счастье родины расцвело,
Словно яблонные сады;
Под твоим орлиным крылом
Мы живем, не зная беды.
За счастливую, светлую жизнь на земле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ты эпоха — подруга моя,
Комсомол — ты ровесник мой!
Уезжая в степные края,
Я пою с родною страной:
Сталин — в каждой мысли у нас,
Сталин — в каждом сердце у нас,
Сталин — в каждом деле у нас,
Сталин — в каждой песне у нас.
Твоя жизнь кипит в труде и борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

1936

ПЕСНЯ НАРОДУ

Я ехал при солнце и при луне
На кара-айгыре, железном коне,
По самой чудесной на свете стране,
И радость пела во мне.

Кострами цветов пылали луга,
В недрах Урала пела руда,
На Волге шумели по берегам
Сияющие города.

Цветы украшали зелень ветвей,
Щелкал в вишневых садах соловей,
И девушки пели в раздолье полей
Весенних птиц веселей.

Я слышал: при солнце и при луне,
При яхонтовом закатном огне
В каждой песне и в каждой струне
Радость звучит в стране.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий левинец — Сталин!

Джамбул в мавзолее у Ленина был,
Седую голову низко склонил
И тихо шепнул ему: «Ленин, ты жив,
Ты в полном расцвете сил.

Мы в Сталине видим твои черты:
Цели немерянной высоты,
Мысли невиданной широты,
Речи неслыханной простоты...
В Сталине ожил ты!»

Рука твоя, Сталин, нас в битву вела,
Мысль твоя, Сталин, победу дала,
Смотришь ты, Сталин, зорче орла,
Страна с тобой расцвела.

{ Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Столицу мира Джамбул обошел,
В столице Джамбул чудеса нашел.
В Москве, свободы и счастья оплот,
Великий Сталин живет.

В Москве сады как сплошной изумруд.
В Москве дворцы, как в сказке, растут.
Внизу под землей поезда бегут,
Вверху — самолетов гуд.

Столица — солнечной радости клад.
Столица — сталинской мудрости клад,
Столица — труда и счастья клад,
Там звезды Кремля горят.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,

С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

На разных наречьях в Москве говорят,
По-разному речи и песни звучат,
Но дружбу грузин с карелом крепят,
И русский казаху — брат.

Старый Джамбул с домброю в руке,
Почувяв, что юность кипит в старике,
Запел о великом большевике
На родном своем языке.

И все в Москве понимали его
Как близкого родича своего,
Слушали песню с весельем в глазах
Русский, грузин и казах...

Сталин сумел народы собрать.
Братство племен и народов сковать.
Всесильна народов великая рать,
Одна у них Родина-мать.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Большой театр нам двери раскрыл,
Алый бархатный занавес взвил,
Сцену волшебным светом залил,
Синьем огней ослепил.

На сцене, где выросло в блеске идей
Большое искусство русских людей,
Раскрылось, цветущей весны молодец,
Искусство казахских степей.

Воскрес растоптанный ханами век
В знойном, как пламя, танце Жибек;
Смычком из кобыза извлек человек
Мелодию горных рек.

Шлыли слова легенд и былин,
Пел, состязаясь с акыном, акын.
И ширилась песня гор и долин,
Как вешний гром «Жасасын».

Из сыбызгы, ручья серебряй,
Журчала мелодия радостных дней.
Кулиш, черноглазая дочка степей,
Пела, как соловей.

Видел и слышал старый Джамбул:
Край его сердце Москвы всколыхнул,
Раздался рукоплексаний гул,
Побратались Москва и аул.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Кто были раньше казахи? Рабы!
В черной нужде мы гнули горбы!
Были жестоки, злы и грубы
Властители нашей судьбы.

Эпоха убыстрила времени бег.
Встал и расправил горб человек.
Жизнь потекла свободнее рек
В счастливый сталинский век.

И вот возрожденный родной мой народ
Великому Сталину песню поет.
Слова в ней свежи и душисты, как мед,
Песня от сердца идет.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Самого лучшего из людей,
Самого мудрого из людей —
Я Сталина видел. Сидел он в среде
Воспитанных им вождей.

Сидел Клим-батыр, смелый витязь войны,
Сияли звезды и галауны.
Калинин сидел в серебре седины —
Староста всей страны.

Рядом с Серго Каганович сидел,
На сцену со светлой улыбкой глядел,
А зал аплодировал и гудел
Героям великих дел.

Все видели: наше искусство цветет.
Все слышали: весь Казахстан поет.
Слава тому, кто народы ведет
По дороге счастья—вперед!

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Вернулись артисты степей назад.
Казахский народ за них горд и рад.
У многих теперь ордена блещут,
И силы во всех кипят.

Их Сталин видал, их Сталин слышал,
Из ложи им Сталин рукоплескал,
Их Сталин в Кремле, как отец, принимал,
Речам и песням внимал.

Вернулся с ними и старый Джамбул
В родной Ер-Назар, колхозный аул.
Встречает Джамбула приветственный гул,
Будто ветер ветви качнул...

Пришел на собрание колхозный народ.
Джамбул на собрании песню поет,
И песня, как беркут, в небе плывет,
На борьбу и работу зовет.

В степях Казахстана травы шумят,
Рудую и нефтью край наш богат,
Цветет Казахстан, как огромный сад,
И нет нам дороги назад.

Сталин, ты слышишь удары сердец?
Первая песня тебе, мудрец,
Первая песня тебе, отец,
Родной и любимый отец!

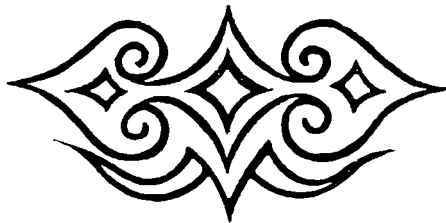
Казахстан на восточных границах лежит,
Мы с винтовкой в руках бережем рубежи,
Мы клянемся тебе, человечества друг,
Что не выпустим ружей из рук.

Как с винтовкой аскер, я с подругой-домброй
Выйду вместе с народом в последний бой.
Будет песня моя—грозна и строга —
Как снаряды, взрывать врага.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

1936

БОЛЬШЕВИСТСКОЙ «ПРАВДЕ»

Я с песней души на твои именины
Иду молодым из Кастекской долины,
Великая, вечная правда моя,
Победы и радости голос орлиный!

С огнями победными майской зарницы
Сравнишь ли твои золотые страницы?
Ты партии зоркий всевидящий глаз,
Пронзающий все рубежи и границы.

Ты знамя победы, вершина стремлений,
Ты всюду живущий с народами Ленин,
Ты Сталина всепобеждающий ум,
Ты гордый маяк молодых поколений.

Ты радость для всех обездоленных мира,
Ты наша отточенная секира,
Разящая черную свору врагов
Могучею силой народа-батыра.

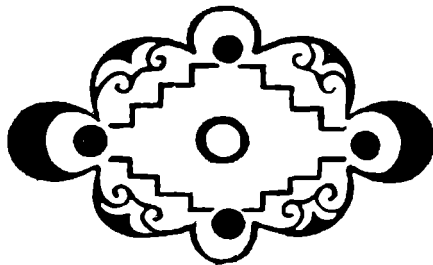
Ты всюду — в степях, городах и аулах
Горячую силу страниц развернула.
Лучи твои вывели из темноты
Искусство народа и песни Джамбула.

Ты знамя победы, вершина стремлений,
Ты вечно живущий с народами Ленин,
Ты Сталина всепобеждающий ум,
Ты гордый маяк молодых поколений.

Я с песней души на твои именины
Иду из далекой Кастекской долины,
Великая, вечная правда моя,
Победы и радости голос орлиный!

1937

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Звени первомайскою песней, земля!
Лети, первомайская песня моя!
Молодость жизни, как солнце, встает,
Ковер изобилия стелет земля.

Народ мой из нор вековых и берлог,
Из вечных могил, из холодных берлог,
Вышел за Лениным в Октябре
На самую солнечную из дорог.

Цвети, моей Родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад,
Песню о юности, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат.

Вышел и вырос, как гордый чинар,
Красавец Востока могучий чинар,
Народ мой, хозяин цветущей земли,
Хозяин степей, городов и отар.

В глубоких ущельях деревья растут.
Жемчужные реки в долинах бегут,
А гордые горы над Алма-Ата,
Как слава и сила народа, встают.

Бескрайная степь, пробуждаясь от сна,
Проклятых столетий тяжелого сна,
Юности дар отдает старикам,
И вечную юность встречает весна.

Цветами богат наш торжественный май,
Сердца зажигающий пламенный май.
Встречает, как счастье, и молод и стар
Под сталинским солнцем чарующий май.

Цвети, моей Родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад,
Песню о радости, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

Солнце, ты счастье повсюду раздай,
Песни и наше тепло разливай,
Лучами горячими рви рубежи,
Пусть всюду проходит наш солнечный май!

Солнце, скажи, что душою Джамбул
В Киргизии, там, где поет Алымкул,
И в Грузии солнечной, и в Кабарде,
И там, где Мадрид, как батырский аул!

Цвети, моей Родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой чарующий сад,
Песню о радости, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

О солнце, ты песню Джамбула разлей,
Ты песню великих народов разлей,
Повсюду, где праздника майского ждут,
Повсюду, где люди живут на земле!

Пусть счастье сияет и радость горит.
Пусть беркут победы над миром парит,
Пусть с нашею песнею шар земной
Голосом радости заговорит!

Ты, солнце! Улыбки твои горячи.
Ты, солнце! Подарки твои горячи.
Ты ханам, царям и владыкам земли
Свои равнодушно бросало лучи...

Но Сталин, душой что тебя горячеей,
Теплее твоих жизнедарных лучей,
Заставил тебя для народа пылать
Костром, зажигающим души людей.

Цвети, моей Родины солнечный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад,
Песню о юности, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

О солнце! Ты знало ли в мире закон?
Ты, солнце, видало ли в мире закон?
Светлее тебя и теплее тебя —
Сталинской радостной жизни закон.

Моя Конституция — это цветы
В долгих столетях рожденной мечты.
Солнце, как счастья бессмертный родник,
Моя Конституция, Сталин и ты!

1937

ПЕСНЯ СЪЕЗДУ

Хозяевам Родины славной моей
Привет от акына счастливых стеней,
Привет от кастекских цветущих аулов,
Избравших на съезд делегатом Джамбула!

С домброй я горячее сердце привез.
Я новую песню в подарок привез,

Широкую песню, как море небес,
Тебе — уважаемый съезд!

Смотрю я на степь —
В ней горела трава,
В покинутой юрте гнесдилась сова,

Курай овивал одинокий курган
В проклятый народом заман...

Молились бродяги святым из Каабы
У изваяния каменной бабы.

Хранил каракурт надмогильный саман
В проклятый народом заман...

Холодные слезы роняя в песок,
Пел горькую песню безродный седок,

И шел, задыхаясь, мой караван
В проклятый, суровый заман...

В миражном тумане струился родник.
Судьбу проклиная, шагал проводник.

Буря срывала последний чапан
В проклятый, суровый заман...

Смотрю я на степь —
Ей конца не видать.
Смотрю я на степь —
Мою степь не узнать!

Где тропы хранили верблюжьи следы,
Цветут плодоносные наши сады.

Где с ветром катились в Дарью катуны,
Пасутся бесчисленные табуны.

В песках, где голодный скитался казах,
Струится река человеческих благ.

Где кляча ходила со сбитой спиной,
Летит златокрылый тулпар вороной.

Где баи царили да ханская кость,
Где даже собаке не сладко жилось,

Где жажда, и голод, да смерть кочевали,
Где песни народные умирали,

Где рвал нашу радость стервятник двуглавый —
Восходит
Союзной республики слава

Приветствую сталинский мудрый закон!
Закон, по которому в славный заман
Республикой счастья цветет Казахстан!

На горной вершине с домброй я стою
И вместе с народом о счастье пою

Широкую песню, как море небес,
Тебе, уважаемый съезд!

Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна.

Как слава жигита, красива она —
Бескрайная наша страна.

Как беркут она белоплечий вольна —
Свободная наша страна.

Как волны Арала, в прибое сильна —
Могучая наша страна.

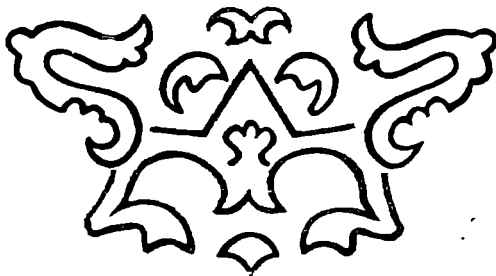
Бурлива, как гордая кровь скакуна —
Чудесная наша страна.

Песни души, что весельем полны,
Как золотые звенят стремяна.

Для всех поколений на все времена
Сталинским сердцем согрета она —
Любимая наша страна!

1937

ПЕСНЯ НА ВСЕКАЗАХСТАНСКОМ ТӨБ

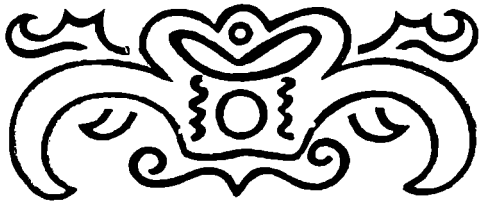

Достиг воплощенья мечты мой народ.
Как сталь без зубрин, казахский народ.
Я славлю рожденье страны — Казахстан —
В чудесный, сияющий радостью год!

Народ мой, прими поздравленья мои!
Ты в новой стране встретишь ясные дни.
Ты раньше был темным и хмурым — теперь
Счастливой серебряной песней звени.

Как мост, наша власть, и мосту не упасть.
Крепим мы его, как железная снасть.
На радость народу, на горе врагам,
Живи, укрепляйся, советская власть!

Лети моя песнь из аула в аул,
Вплетайся в веселый и праздничный гул,
С народом и родиной счастлив акын,
Захваченный радостью старый Джамбул!

ПЕСНЯ ГНЕВА

Ненависть в сердце Джамбула горит,
В жаркой крови моей гнев говорит.
Песня кипит, возмущенье струя,
Гневом наполнена песня моя.

Клокот песни, кипенье и гул
Ползут, как пожар, из аула в аул.
Бушуй, моя песня! Я передам
Ненависть к трем взбесившимся псам.

Первого пса Троцким зовут,
Он кровожаден, бешен и лют.
Второго пса Зиновьевым кличут,
У третьего Каменева обличье.

А с ними шакаля семья поднялась
Из ям, где зловоние, падаль и грязь.
Завыл в жажде крови взбесившийся Троцкий,
Завыли фашистские подголоски.
И темную страшную ночь оглашая,
Завыла шакаля трусливая стая.

Вот они — лгут, продают, предают,
Вот они -- тихо на брюхе ползут,

Вот они ночью — беззвездной, сырой —
В Сталина целят...
Изменники, стой!

Наши глаза горят и во мраке,
Прочь, шелудивые, злые собаки!
В кого вы хотели, злодеи, стрелять?
Хотели отца у народа отнять.

Кому вы готовили пули и яды?
Хотели отнять наше счастье и радость,
Хотели убить вождя всех племен,
Всех народов и всех времен.

Хотели солнце земли погасить,
Сердце Сталина остановить.
Голос народов гремит водопадом:
Вы просчитались, проклятые гады!

Никогда змее в облаках не бывать.
Никогда верблюду орлом не летать.
По морской воде паровоз не пойдет,
По сухой земле не пойдет пароход.

Шакалу звезды не укусить.
Солице собаке не погасить.
Сталин — солнце наше, и с ним
Мы побеждали и победим!

Мысли кипенье навеки с ним,
Сердца биенье навеки с ним,
Душа народа навеки с ним,
Песня народа навеки с ним.

А собакам поганым, бешеным исам,
На брюхе из ямы ползущим к нам,
Приговор вынесен в каждом ауле —
Каждой собаке в череп по пуле.

ПЕСНЯ О ЗМЕЯХ

Опять зашипели проклятые змеи,
Чешуйчато-склизкие, серые змеи,
В счастливой, пропизанной солнцем, стране.
У каждой змеи — язык раздвоенный,
Губительным ядом в ночи напоенный,
Готовящий верную смерть в тишине.

Фашистские змеи, троцкистские змеи
Всех гадов земли смертоносней и злее.
Родили их душная злоба и мрак.
Скрывают они ядовитые жала,
Подлее они шелудивых шакалов
И злее взбесившихся диких собак.

Шипучая свора, змеиная сила
Ползет от зари и дневного светила
Во мглу и к болотной, гниющей воде,
Чтоб в щель заползти, в приоткрытую дверцу,
Чтоб жалить без жалости в самое сердце
Стоящих за светлую правду людей.

Презренные твари, жестокие гады
Таятся в тени и следят из засады...

ПЕСНЯ О ЗМЕЯХ

Опять зашипели проклятые змеи,
Чешуйчато-склизкие, серые змеи,
В счастливой, пропизанной солнцем, стране.
У каждой змеи — язык раздвоенный,
Губительным ядом в ночи напоенный,
Готовящий верную смерть в тишине.

Фашистские змеи, троцкистские змеи
Всех гадов земли смертоносней и злее.
Родили их душная злоба и мрак.
Скрывают они ядовитые жала,
Подлее они шелудивых шакалов
И злее взбесившихся диких собак.

Шипучая свора, змеиная сила
Ползет от зари и дневного светила
Во мглу и к болотной, гниющей воде,
Чтоб в щель заползти, в приоткрытую дверцу,
Чтоб жалить без жалости в самое сердце
Стоящих за светлую правду людей.

Презренные твари, жестокие гады
Таятся в тени и следят из засады...

Но крикнут хозяева: «Айт!» «Грызи!»
И сразу движение в зменной их банде,
Покорные лютой фашистской команде,
Подзут по пескам, по камням, по грязи.

Мы страха не знаем. Не страшны нам змеи.
У этих ползучих и склизких злодеев
Смертельное жало, но короток хвост.
По воле народа мы вышли в дозоры,
Разроем змеиные грязные норы,
Разрушим скопление поганых их гнезд.

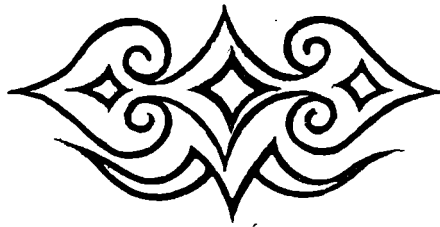
Тому, кто получит проклятье народа,
Откажут в приюте и земли и воды,
И горы почлега ему не дадут.
Так пусть подыхает змеиная стая,
Народы ее навсегда проклинают
И страстную, жаркую ненависть шлют.

Закон наш, как солнце, среди небосвода.
Закон беспощаден с врагами народа.
Так пусть же трепещут народа враги.
Обрушим священную силу закона,
Растопчем всех змей, перебьем скорпионов.
Раздавим змеиные языки.

Мы жизненный опыт накопили веками,
И опыт нас учит бороться с врагами,
Быть твердыми и беспощадными к ним.
Себя и детей своих помнить заставим:
«Когда мы змеиную голову давим,
То хвост у змеи остается живым».

1937

ОБРАЩЕНИЕ К КРАСНОЙ АРМИИ

Создал тебя в бурях народ трудовой,
Вели тебя Ленин и Сталин на бой,
Когда наша кровь по арькам текла
И тьма боролась с зарей.

Ты силу и доблесть сковала в боях,
Мужали жигиты твои на конях,
За землю, за воду, за солнечный свет
Ты билась на всех фронтах.

Пытались враги на Советы напасть,
Но ты отстояла советскую власть,
И стали рубиновую звезду
Враги и бояться и клясть.

Как сад, зацвела наша жизнь, но вокруг
Фашисты и бан сомкнули свой круг,
И ты, не слезая с горячих коней,
Внушаешь врагам испуг.

Снега Ала-тау, как жемчуг, блестят,
Алтай и Кавказ, как алмазы, горят.
У вечных снегов, где гнездятся орлы,
Дозоры твои стоят.

В озерах долин розовеет заря.
Зреют хлеба золотей янтаря.
Орлиные очи дозоров твоих
Зорки, как в дни Октября.

Кровавал проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.
Стадами, садами, землей и водой
Богата наша страна.

Но если стервятники, злобой полны,
Посмеют нарушить границы страны,
Ты, Красная Армия, взвей над землей
Знамена священной войны!

Ты бейся — бесстрашна, грозна и строга —
До полного уничтоженья врага,
Чтоб хищная свора могилу нашла
В сыпучих песках и снегах.

Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей-домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой.

1937

ИСПАНСКИМ БРАТЬЯМ

Казахские степи от края до края
Пестреют коврами, в цветах утоная.

Урюк зацветает в узбекских садах.
Тюльпаны цветут на таджикских горах.

Любимая родина в радостном пенье
Объята весенним могучим цветеньем.

Сбылись вековые народные сны
В сиянии сталинской светлой весны.

Но слышу я, хмурия суровые брови,
Удушливый запах железа и крови,

И уши акына Джамбула полны
Раскатами грозной далекой войны.

Хотел бы и песню и сердце отдать я
За вас, боевые испанские братья!

Бушует в вас сила огня горячей —
Громите смелее своих палачей!

Над вами священное плещется знамя —
Я песней клянусь вам — победа за вами!

Мы также боролись, и взрывы и громы,
И кровь и лишения нам были знакомы.

Мы бились за счастье, как смелые львы,
Как бьетесь сегодня за родину вы.

С винтовкой и песней на битву идите,
Дружнее сплотитесь, и вы победите!

Всем сердцем хочу, чтоб ясна и светла
В Испании вольной весна расцвела,

Чтоб в синее небо взвилось над полями,
Как наше победное, светлое знамя.

Я братьям испанским желаю побед
И шлю из степей Казахстана привет!

1937

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТЯМ

Вы здоровы, ребята? Я рад!
Словно пчелы, детишки жужжат.
Я, Джамбул, со старинной домброй
Очень рад погостить у внучат.

От годов, как верблюду, я горбат,
Но люблю я улыбки ребят.
Вы похожи, внучата мои,
На степных сосунков-верблюжат.

Мир для вас беспечален и прост,
Ночь несет вам мерцание звезд,
Солнце ласково льет вам лучи
И лелеет счастливый ваш рост.

Сталин — самый большой из людей —
И отца вам и братьев родней,
Сердце Сталина греет, как луч,
Всех племен и наречий детей.

Всех кудесников Сталин добрей,
Он прислал вам тюки букварей,
Целый ворох игрушек и книг,
Чтобы лучше жилось детворе.

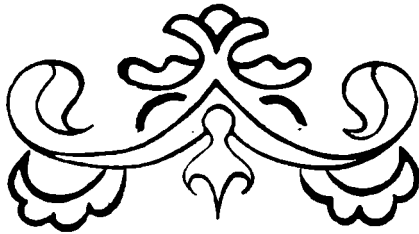
Сталин — словно чинар вековой,
Величав его ствол золотой,
Каждый листик его — бриллиант,
Хорошо вам под этой листвою.

Вашей радостью Сталин живет,
Он успехов в учении ждет.
Не бегите от книги — она
Золотые ключи принесет.

Пусть запомнит казах-пионер —
Сталин самый высокий пример,
Самый мудрый из всех мудрецов,
Самый лучший отец из отцов.

1937

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Чтобы ты, малыш, уснул,
На домбре звенит Джамбул.
Струны он перебирает
Доброй дедовской рукой,
Колыбель твою качает
И тихонько напевает,
Чтоб слетел к тебе покой.

Дремлет синяя звезда.
На джайлыу спят стада.
Спят пуховые козлята,
Верблюжата спят в степи,
Золотые жеребята,
Крутолобые телята,
Тонкорунные ягнята.
Ты, малышка, тоже спи!

Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Аму-Дарье.
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш,
Спят цветы, озера, земли.
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой малыш?

Засынай, малыш-казах,
Ты в испытанных руках,
Сталин смотрит из окошка—
Вся страна ему видна.
И тебя он видит, крошка,
И тебя он любит, крошка,
За тебя, мой теплый крошка,
Отвечает вся страна.

Ты один из сыновей
Светлой Родины своей.
О тебе — отца ревнивей —
Сталин думает в Кремле,
Чтоб ты вырос всех счастливей,
Всех умнее, всех красивей,
Всех отважней на земле.

С детской голубой поры
Получаешь ты дары —
Их страна несет с любовью,
В час когда дрожит звезда—
Мысли дар и дар здоровья,
Дар в беду не хмурить брови,
Золотого счастья дар.

Пред тобою мир широк
И просторы всех дорог.
Хор весенний соловьиный
Для тебя в садах поет.
Все цветущие долины,
Все заводы-исполнны,
Руды, золото, рубины—
Это, милый, все твое.

Звезд лентой твои глаза,
Мягче шелка волоса.
Сложен складно ты на диво,
Ты собою красишь мир,

Проживешь свой век счастливо,
Черноглазый и красивый,
Славный, завтрашний батыр.

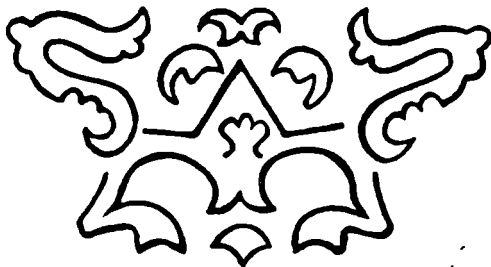
Мы росли совсем не так.
Нас держали, как собак.
И когда под солнцем мая
Пионерский шелк флажка
Алым маком мне кивает,
То дрожит слеза скупая
На глазах у старика.

Вырастай, жигитом будь,
Пред тобою светлый путь.
В возрожденном Казахстане
Защитаешь прямым:
Пионером резвым станешь,
Комсомольцем смелым станешь,
Вырастешь большевиком.

Засыпай, малыш-казах,
Кзыл-аскеры на часах.
Отошли навек напасти,
Не вернется горе к нам.
При родной советской власти
Сталин всем принес нам счастье —
Малышам и старикам.

1937

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Трое нас. Мы сидим за веселым столом:
Два степных казаха и русский.
Чай душистый дымится. За светлым окном
Ходят плавные волны музыки.

В наших жилах струится братская кровь,
И готовы раскрыть мы объятья.
Между нами живет большая любовь,
И беседу ведем мы, как братья.

Пусть придет к нам грузин, узбек и калмык—
Будет встреча еще чудесней.
Мы найдем с ними дружеский, братский язык
И поделимся чаем и песней.

Слышишь шумы? Москва за окном шумит.
Видишь блеск? Это в синий воздух
Древний Кремль возносит, лучами облит,
Золотые, как в сказке, звезды!

Там, под звездами, солнечный Сталин живет.
Он принес через годы ненастья
Соляде вечной весны с лазурных высот
И цветы всенародного счастья.

Он сдружил Москву и казахский аул,
Он сроднил все народы и страны.
Девяностолетний седой Джамбул
Ему славу поет неустанно.

Рад московскому гостю Джамбул, и домбра
Запросилась в старые руки.
Слушай клеткот орла и звон серебра,
Задумственные слушай звуки.

Я ищу слова, что теплее луча,
Что ласкают и греют душу.
... Посмотри, как дымится душистый чай,
Подыми шаду и кушай.

1936

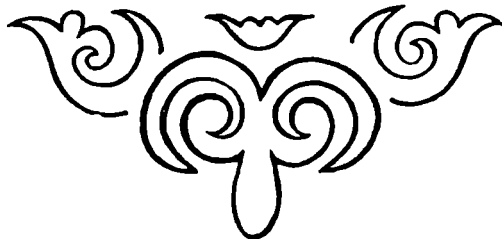
Он сдружил Москву и казахский аул,
Он сроднил все народы и страны.
Девяностолетний седой Джамбул
Ему славу поет неустанно.

Рад московскому гостю Джамбул, и домбра
Запросилась в старые руки.
Слушай клеткот орла и звон серебра,
Задумственные слушай звуки.

Я ищу слова, что теплее луча,
Что ласкают и греют душу.
... Посмотри, как дымится душистый чай,
Подыми шагу и кушай.

1936

ПРИВЕТ ИЗ КАЗАХСТАНА

В суровые годы ненастья и вьюг
Я знал тебя, город царя, Петербург.

Ты слал нам, казахам, в ковыльиные степи
Лишь сабли да пунш, пагайки да деши.

Сердца согревает и радует взгляд
Рабочий, бурливый, родной Ленинград.

Там массы впервые колоннами встали
Под знамя, что подняли Ленин и Сталин,

Там Киров в дыханье заводов живет,
Там жизнь, словно сад Гюлистана, цветет.

Вокруг меня степи в весеннем наряде,
А сердце и мысли мои в Ленинграде,

Где песни степей вдохновенно поет
Устами певцов возрожденный народ.

Где наше искусство волнует со сцены
Красой Кыз Жибек и огнем Тулегена,

Геройством Таргына, горнем души
Прекрасной казашки родной Хаднши.

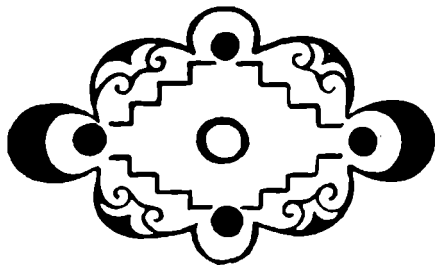
Желаю, чтоб чище ручьев прозвучали
Куляш соловьиные нежные трели,

Чтоб песня на битву за счастье вела,
Чтоб дружба народов росла и цвела.

Джамбул Ленинграду желает побед
И шлет от горячего сердца привет!

1937

АЛА-ТАУ

В орлиных просторах большой высоты,
Как чалые кони, вздыбились хребты.
Над всем Жетысу поднялся Ала-тау:
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют.
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь, при закате клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, низвергается, бьет водопад,
Гремит валунами и пеной играет,
Из радужных брызг одевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах,
А ниже — дремучих лесов полоса.
Зеленые сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами ломается сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк.
В горах созревают пурпурные вишни.
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих, как изумруд,
Джейраны и туры кочевье ведут,
Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях живут.

В долине, меж гор, под парящим орлом,
Густой сневою блестит водоем—
Веселые стаи играющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золотà,
Луга, в бирюзовых и желтых цветах,
А ниже, в напевном журчанье арыков,
Столица — красавица Алма-Ата.

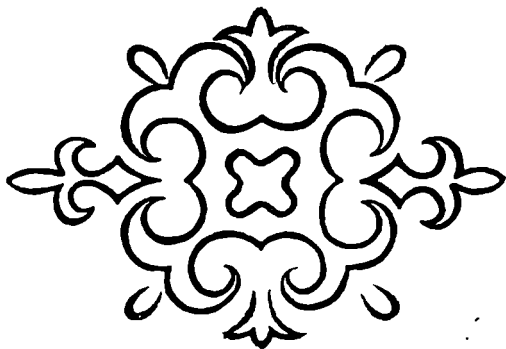
Богат Ала-тау! В чалме изо льда
Врагам он богатства свои не отдал.
Озера и руды, сады и джайлду
Отдал он героям борьбы и труда.

А там, за хребтом Ала-тау, видна
Под облачным небом чужая страна,
Где горе гуляет по глиняным фанзам
И теплою кровью дымится война.

Джамбул с высоты озирает овраг—
Не скрыт ли там хитрый, озлобленный враг?..
Над белою войлочной юртой Джамбула,
Как пламя, колышется маковый флаг!

1937

ПЕСНЯ О КУМЫСЕ

В проклятую пору, в разбойные годы,
Душили нас беды, томили невзгоды,
Мы пили арычную, желтую воду,
А бай — хмельной, золотистый кумыс.

В богатых кувшинах струею играя,
Ты радость давал только биям да байм.
Ты зависть внушал нам и был проклиняем,
Лишь байскую кровь согревавший, кумыс.

На праздничных тоях, привычный и ходкий,
Вливался рекою ты в байские глотки,
Степной, не имеющий крепости водки,
Бодрящий, не сладкий, душистый кумыс.

Но трубы борьбы прогремели над нами,
Мы с саблями встали под светлое знамя,
Чтоб баев прогнать и владеть табунами,
Дающими мясо, и сыр, и кумыс.

Где бай? В могилах и за рубежами,
В зловонной, наполненной змеями, яме;
Шипя от бессилья и злобы ужами,
Пожалуй, не пьют они больше кумыс.

Все наше: и степи до самой границы,
И воды в арыках, и овцы, и птицы,
И рыжие, словно закат, кобылицы,
И, пахнущий солнечной степью, кумыс.

Ты наши джайлыу собой украшаешь,
В стахановцев свежие силы вливаешь,
Здоровье героев страны укрепляешь,
Густой, ароматный и крепкий кумыс.

Так петься, просясь в пинау из кувшина,
Чтоб песни на тоях колхозных взвились,
Напиток батыров с просторов орлиных,
Холодный и чистый, как снег на вершинах,
Веселый и звонкий, ядреный кумыс!

1937

ПЕСНЯ О ПУШКИНЕ

Горишь ты алмазом, цветешь, как рубин,
Поэзии русской могучий акын.

Жемчужины песен ты миру создал,
Из черного века твой гений сверкал.

Трусливая свора придворных царя
Гнала тебя в горы, презреньем дари.

Не в битве великой и не от меча,
Погиб ты от грязной руки палача.

Но что тебе смерть, если песня жива?
Спяют твои золотые слова.

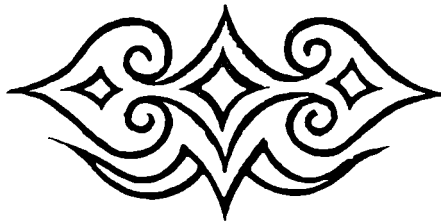
Сто лет пронеслось, как тебя погребли,
Ты стал всенародным акыном земли.

Читают тебя с упоением в глазах
Башкир и туркмен, белорусс и казах.

Из песен твоих не забыть ни одной.
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!

Ты в век наш врываешься музыкой слов,
Сияньем зари, ароматом цветов.

Живем мы все лучше и все веселей,
Греми же, бессмертный, как жизнь, Соловей!

ГАСЕМ ЛАХУТИ — ДЖАМБУЛУ

Порхай, ликуй, свободный соловей,
Над розою счастливою своею!

Рассыпь на землю серебристый гром,
Навстречу солнцу трели звонко лей.

Пусть мир услышит, что родной твой сад
Еще прекрасней стал, еще пышней.

Любуйся нежным пурпуром цветов
И плодоносной тяжестью ветвей.

Пой тополи: свободней ввысь расти!
Тюльпану пой: красуйся и алей!

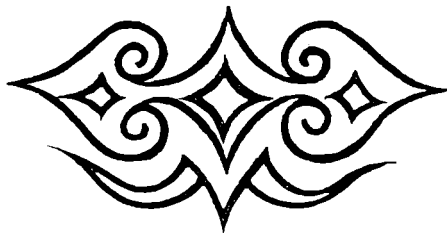
Запой, и всюду смолкнут соловьи,
Певцы иных садов, иных полей,

С восторгом песни слушая твою,
Акын Джамбул, казахский соловей.

Прославь его, кто этот сад растил,
Того, кто всех отважней и мудрей,

Пой Сталина, весну народов пой,
Пой солнцу родины моей, твоей!

1936

ДЖАМБУЛ — ГАСЕМУ ЛАХУТИ

О дружестве песен на светлом пути
Ты мне по-фарсидски пропел, Лахути.

С открытой душой я твой голос встречаю
И песней казахской тебе отвечаю.

Твоими устами таджикский народ
Свою соловьиную песню поет.

Моими словами казахский народ
Заветную песню пускает в полет.

Под ласковым солнцем в счастливые годы
Меняются песнями наши народы.

Как лебеди, песни плывут в небеса,
За ними родные спешат голоса.

Прислушайся — в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана.

И Янка, акын белорусских полей,
Льет песни теплее, чем крик журавлей.

Запел весь Советский Союз многоликий —
Русские, турки, казахи, таджики.

На празднике песни звени и цветы,

Как воды арыков под сенью зеленой,
Поет мы, и с нами поют миллионы

О родине нашей, о славных делах,
О коннице вражьей, развешенной в прах,

О дружбе народов, о солнечном братстве,
О щедром обилье, о пышном богатстве,

О том, что не стало насилия и зла,
О том, что земля на заре расцвела.

Взгляни, Лахути! Разрастается сад,
Тюльпаны и розы в саду шестаят.

Волна ароматов нам головы кружит,
Росинки лежат ожерельем жемчужин.

Над нами яснеет небес бирюза,
Цветение радуг ласкает глаза.

И ветер в плену соловьиного шелка
Нежнее, чем шорох иранского шелка.

Я в старости вызнал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл сокровенный,

И выси хребтов, и пространство степей,
И недра земли, и глубины морей.

Мы были слепыми, но зрячими стали,
Глаза нам открыл на вселенную Сталин,

Кто к солнцу и к ясному счастью ведет
В огне Октября возрожденный народ,

Кто самый большой человек на планете,
Кто дал Конституцию, лучшую в свете,

Кто судьбы народные держит в руках,
Чья светлая слава сияет в веках.

Одно у нас пламя бушует в груди,
Одно у нас знамя, акын Лахути.

Мы дружно, как братья, народам поем
На разных наречьях, но об одном.

В казахском жиге, в персидской газелле
Одни у нас мысли и чувства созрели.

Один в наших песнях батыр и герой —
Кого не сравнить ни с звездой, ни с зарей,

Чьим именем названа наша эпоха,
Кого будем петь до последнего вздоха.

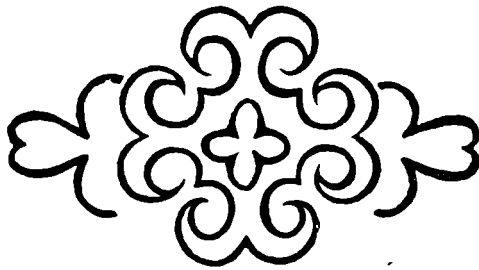
Клокочет созревшая песня в груди,
Ударим по струнам, акын Лахути!

И грянем о Сталине непобедимом,
О самом великом, родном и любимом,

Да так, чтобы песня звенела в веках
На всех человеческих языках.

1936

УМЕР БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Пой от скорби и горя, Джамбул,
Пой печальней осенних рек.
Весть ползет из аула в аул:
Умер Горький — большой человек.

Буревестник крылья сложил,
Гордый сокол на скалы упал,
Он народам песней служил,
К светлой правде Родину звал.

Он пришел, когда ширилась тьма,
Был далеким ясный рассвет,
И молчала страна, как тюрьма,
В черном мраке проклятых лет.

Но во тьме его песни зажглись,
Как созвездья на небе ночном.
По стране его песни лились
И сердца зажигали огнем.

Ленин другом его называл
И творенья его ценил.
Сталин книги его читал
И, как верного друга, любил.

Он принес нам песни борьбы
Из жемчужин сверкающих слов.
Выпрямлялись от песен горбы
У забитых нуждою рабов.

В его песнях дымился восход,
День грядущий лучами горел.
И под песни его народ
Шел из мрака навстречу заре.

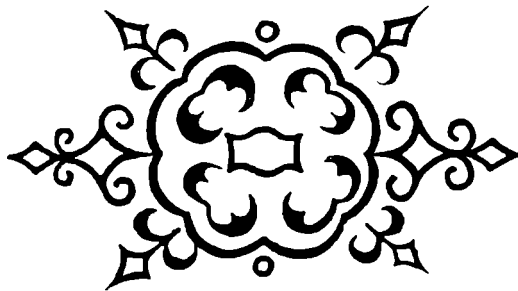
Над старою плыла весна,
Свежих росных цветов поля.
Его старость была ясна
И прекрасна, как наша страна.

Отверкал, откишел, отзвенел
Светлый, чистый, кичущий родник:
В нашей самой счастливой стране
Умер самый счастливый старик.

Плачьте струны из турьих жил!
Умер тот, кто лишь правде служил,
Кого Ленин великий любил,
Кого солнечный Сталин любил.

1936

СУЛЕЙМАНУ СТАЛЬСКОМУ

Ануг Сулейман,
Соловей Дагестана,
Счастливые трели пролей на заре.
Прошли лихолетья тяжелых туманов,
Глухой темноты и засилья зверей.

Взгляни-ка!
Тюльпаны цветут по курганам.
Мы звоном наполним тугую струну,
Прославим бескрайный простор Советстана,
Счастливых певцов золотую страну.

Везде соловьиная песня желанна.
Не в клетках —
На свежих ветвях тополей,
В горах Дагестана, в садах Казахстана
Поют соловьи с каждым днем веселей.

Лучи разогнали покровы туманов,
Над нами горят бирюзой небеса...
То Ленин и Сталин — земные титаны —
Законы счастливые дали всем странам,
Земле — урожай, соловьям — голоса.

Народы горды соловьем Сулейманом,
Чьи песни горят, как большой самоцвет.
И я, воспевая талант многогранный,
Несу Сулейману народа привет.

Пред Родной меркнут цветы Гюлистана,
И старость и дряхлость бессильны пред ней.
И разве не чудо: Джамбул с Сулейманом,
Седея, поют год от года звучней?

Орлами парят наши песни по странам,
Плывут наши песни к орду из орлов,
Чья мысль необъятна, как глубь океана,
Чья сила кипуча, как мощь урагана,
Чья воля властнее хребтов-великанов,
Чье имя звенит, как легенда веков...

Летят наши песни по сталинским странам,
В них — сердца биенье и пламя ума.
Мы вольно и просто поем с Сулейманом.
«Наш Сталин!» — звучит нам припевом желанным,
И мир расцветает пышнее тюльпана,
И песня, вскипая, бушует сама...

1937

КЛЯЧА И КОНЬ

Я встретил в седле своей жизни рассвет.
Была моя кляча худа, как скелет.
Шаталась она — и степной ветерок
Сумел бы свалить ее с ног.

Ползла с нее шерсть.
Был лоб ее лыс.
Над мокрыми струпами мухи вились.
Слезились глаза постоянно у ней,
И в челке гнезился репей.

Я ехал и пел.
Мои песни лились
Про черные косы красавицы кыз,
Но стройная кыз, что джейрана резвей,
Смеялась над клячей моей.

На ярмарки и на базары я вез
Печальные песни страданья и слез.
На кляче худой из аула в аул
Скитался я, рваный Джамбул.

Когда ручейками сбегали снега,
В зеленой степи начиналась байга —
Весенний пробег вороных скакунов
Из байских степных скакунов.

Что мне оставалось? Поодаль стоять,
От зависти горькие слезы глотать
Да ночью тоскливой в немой тишине
Мечтать о чудесном коне.

Ночами являлся мне конь моих снов,
Скакун темнорыжий, краса табунов.
Он жарко храпел, и в просторы манил,
И звонко копытами бил.

Он долгие ночи стоял предо мной,
Сверкая уздой, бегунец огневой.
Во мне поднималось кипение сил,
Отвага горела и пыл.

Но сон отлетал, и в полынном краю
Я снова садился на клячу свою
И ехал, бескрылую юность кляня,
Ночную мечту хороня.

Так юность прошла, и не ездил я вскачь —
Была моя кляча костлявей всех кляч.
Шли годы, и в черных ночах у меня
Исчезло виденье коня.

Когда я, как снег Ала-тау, стал сед,
Узнал я счастливое слово «Совет» —
Пришла в моей жизни вторая весна,
Прекрасна, свежа и ясна.

Поднялся и ожил казахский народ,
Отнял он у баев джайляу и скот,
Навеки ушел, как от солнца туман,
Проклятый байский заман.

Колхозные бродят в степях табуны,
Привольно растут в табунах скакуны.
И даже из кляч в моей светлой стране
Выращивают коней.

Сам Сталин отметил вниманьем меня,
За песни мои он послал мне коня.
Коня несравнимой ни с чем красоты,
Коня лучезарной мечты.

Так вот он — сверкающий конь моих снов,
Скакун темнорыжий, краса табунов,
Он жарко храпит, и в просторы зовет,
И звонко копытами бьет.

Его благородная поступь звонка,
Его лебединая шея тонка,
Алмазные брызги сорит он из глаз,
А шерсть его, словно атлас.

Уздечка на нем в дорогом серебре,
Узоры седла, как ковер на заре,
И радостно, как золотая струна,
Звенят на нем стремяна.

Как в снах моей юности, стал я крылат,
Во мне возрожденные чувства бурлят.
В крови моей снова кипение сил,
Отвага и песенный пыл.

Я рад обновить мой богатый наряд.
Халат, на котором узоры горят,
И орден Красного Знамени рад
Ввинтить в парчевый халат.

По светлой стране из аула в аул
Поехал нарядный, счастливый Джамбул,
Доживший до сталинской алой весны,
Когда сбываются сны.

Цветы на полях,
Цветы на горах,
Сады в бело-розовых нежных цветах.
И стелются степи под песни ветров
Коврами пурпурных цветов.

Жемчужными брызгами бьет водопад,
Волшебные радуги в небе горят.
И знойно цветет, ослепляя глаза,
Высоких небес бирюза.

И я запеваю в цветущем краю
Всей грудью заветную песню мою,
И звучно ей вторит певунья-домбра
Напевом, нежней серебра.

Пою я о том, кто с кремлевских высот
Великую правду народам песет,
Кто сердцем своим обогрел и меня,
Кто юность мне дал и коня.

Чье слово, как гром, над вселенной гудит,
Чье слово, как ветер, по свету летит,
Чье слово, как солнце, встает над землей,
Народы ведя за собой.

Чье имя на полюсе, в снежной глуши,
Чье имя на самой большой из вершин,
Чье звонкое имя герои дарят
Реке, породнившей моря.

В чью славу весенние степи цветут,
О ком водопады гортанно поют,
Кому улыбаются капли росы
И звезды звенят «Жасасын».

С цветами, со звездами, с горной рекой
Сливается голос взволнованный мой.
О Сталин, великий мудрец из Кремля,
Поет тебе славу земля!

1937

ДЖАЙЛЯУ

Колхоз Ер-Назар пробуждался от сна.
Погода стояла свежа и ясна.
Гурьбою пришли в голубой тишине
Колхозники с просьбой ко мне:

«Веди нас, отец, на джайляу—туда,
Где травы цветут и синее вода,
Где теплые ветры шумят, словно шелк...»
Я встал и сказал «хорошо».

Я сел на коня и повел табуны.
Заржали, почуя простор, скакуны.
За мною поехал и юрты повез
Родной мой, веселый колхоз.

Я видел, волнуясь и сердцем горя,
Как пригоршни яхонтов сыплет заря,
Как росы дымятся, и как в Каракол
Летит белоплечий орел,

Как в гулкой, большой вышине надо мной
Горит Ала-тау жемчужной чалмой,
И слышал, как где-то, спадая с громад,
Камнями гремит водопад.

Я знаю на тысячи верст этот край —
Пырей и полынь, саксаул и курай...
Закрывши глаза, я джайляу найду,
По тропам стада проведу.

«Смотрите, — сказал я на горной тропе, —
Вон сочные пастбища Суык-Тобе,
На травах его от начала веков
Пасутся стада облаков.

Черта снеговая там глазу видна,
Вода ледниковая там холодна,
Весна там кочует, кругом разостлав
Ковры цветущих трав.

А вот зеленеют, прохладу струя,
Кочевья Актасты и Кара-Кия,
Там росы сияют девичьей слезой,
Озера горят бирюзой.

В цветущих и благословенных краях
Пугливые гуси гостят в тугаях,
И белые лебеди гнезда там вьют,
Найдя тишину и приют.

Там россыпью золота блещут утра.
Мерцают там, как серебро, вечера.
Там воздух пьянцы, как весенний кумыс.
А ветер, как песенка кыз».

Так я говорил, и восход был хорош,
И слушала жадно меня молодежь,
Которую вырастил светлый аул,
Забывший про баев и мулл.

Меня окружали, как семь сыновей,
Семь мужественных белозубых друзей,
Семь славных, бывавших в Кремле, чабанов,
Имеющих семь орденов.

Я знаю на тысячи верст этот край —
Пырей и полынь, саксаул и курай...
Закрывши глаза, я джайляу найду,
По тропам стада проведу.

«Смотрите, — сказал я на горной тропе, —
Вон сочные пастбища Суык-Тобе,
На травах его от начала веков
Пасутся стада облаков.

Черта снеговая там глазу видна,
Вода ледниковая там холодна,
Весна там кочует, кругом разостлав
Ковры зацветающих трав.

А вот зеленеют, прохладу струя,
Кочевья Актасты и Кара-Кия,
Там росы сияют девичьей слезой,
Озера горят бирюзой.

В цветущих и благословенных краях
Пугливые гуси гостят в тугаях,
И белые лебеди гнезда там вьют,
Найдя тишину и приют.

Там россыпью золота блещут утра.
Мерцают там, как серебро, вечера.
Там воздух пылящ, как весенний кумыс.
А ветер, как песенка кыз».

Так я говорил, и восход был хорош,
И слушала жадно меня молодежь,
Которую вырастил светлый аул,
Забывший про баев и мулл.

Меня окружали, как семь сыновей,
Семь мужественных белозубых друзей,
Семь славных, бывавших в Кремле, чабанов,
Имеющих семь орденов.

«Смотрите,— сказал я,— и верьте жирши,
Джайляу вокруг, как мечта, хороши,
Но только на них табуны и стада
Могли мы пасти не всегда.

Я припоминаю: лет двадцать назад
Здесь так же, кипя, бушевал водопад,
И радуги так же сияли вдали,
И сочные травы цветѣли...

Но мы, бедняки, не пасли здесь стада...
Трава и прохлада, цветы и вода —
Все байским считалось, и бай-богатеи
Был дикого волка лютеи.

Он в зверствах своих поощрялся царем,
Топтал бедноту одичалым конем,
Камчюю наотмашь без жалости бил
И злобными псами травил.

И шли, проклиная судьбу, бедняки
В голодные степи, на солончаки,
Где соль, проступая, белела вдали,
Как горькие слезы земли...

А нынче—смотрите, любуйтесь, друзья,
Колхозные земли измерить нельзя!
Пасутся у нас миллионы голов
Овец, кобылиц и коров...»

Все наше—и воздух, и пенье воды,
Джайляу, просторы полей и сады.
При жизни такой смеется, поет,
Талантами блещет народ.

Так взвейся же, песня, звени и киши
В пронизанной солнцем, счастливой степи!
Я правду несу из аула в аул,
Шевец, поседевший—Джамбул...

Кричу я ветрам, что бушуют в листве,
Шепчу я ручью, что бормочет в траве,
Прошу лебедей, что плывут в синеве—
Снесите привет мой Москве!

Снесите мой теплый, сердечный привет
Тому, кто принес для нас солнечный свет,
Кто выпрямил спины от рабских горбов
И снял с нас одежды рабов.

Тому, с кем мы, выиграв битвы, нашли
Все тайны вселенной, все счастье земли,
Всю правду, всю мудрость, все знания веков,
Тому, кто в священной борьбе закалил
Армию большевиков.

О Сталин, философ, живущий в Кремле,
Мудрейший из мудрых на нашей земле.
Прими благодарность, восторг и привет
За двадцать советских лет!

1937

Как летнее солнце, сияет нам светлый закон,
Написанный мудрой и твердой рукой исполина,
Закон, воплотивший мечтанья людей всех племен,
Зовущий народы к счастливым и ясным вершинам.

Миллионы людей, как гордое знамя свое,
Его поднимают—мудрейший закон на планете.
Поют старики, и юность, ликуя, поет,
И звонко смеются лучами согретые дети.

Растут города, и луга утопают в цветах.
В просторных степях зашумели колосья литые.
Исполнилось все, что веками таилось в мечтах,
Сбылись наяву человечества сны золотые.

Гонцы прискакали из яблонной Алма-Ата,
Узнали о выборах в ближних и дальних аулах.
И голос мой звонок, как будто я сбросил лета,
И светлая юность вернулась к акыну Джамбулу.
Забыв, что я стар, сутул и как изморозь сед,

Я так говорю, чтобы все на планете слышали:
«Пусть первым войдет от народов в Верховный Совет,
Немеркнущим солнцем, дающим вселенной свой свет,
Сверкающим гением наших великих побед,
Родной и любимой, сравнений не знающий—С т а л и н!»

Так я говорю, народ повторяет, и звон
Домбровой струны плывет над степями, как крик.
Священное братство великих и малых племен
Со мной заодно—на всех языках и наречьях.

И я выдвигаю батыров в Верховный Совет,
Кто крепче алмаза, острее отточенной стали,
Кто вывел нас к счастью сквозь годы ненастья и бед,
Кого воспитал нам и вырастил солнечный С т а л и н.

Калинин и Молотов — вот кандидаты мои,
Герой Каганович, тебе отдаю свое слово.
И с маршалом Климом, кто выстоял в трудную брань,
В Совет выдвигаю орла и батыра

И вслед им, батырам, мы выдвинули имена,
В Верховный Совет широко откроем мы двери
Лишь лучшим из лучших, чьим делом гордится страна,
Кто партии предан, кто мудрому Сталину верен.

Так я говорю, и народ повторяет за мной —
В казахских аулах, в казачьих привольных станицах:
Цвети, наша Родина, край, как мечта, золотой,
И зорче глядите, орлы, охраняя границы.

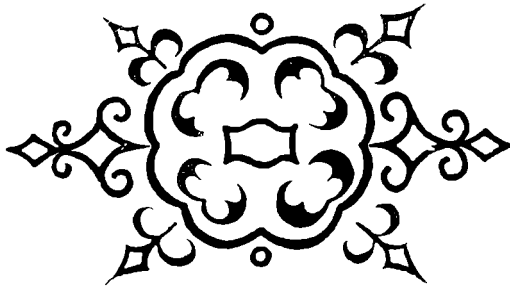
За счастье — наш голос, за правду, за солнечный свет,
За братство народов, за меч нержавеющей стали...
Пусть первым войдет от народов в Верховный Совет
Родной и любимый, великий и солнечный Сталин!

1937

поэмы

УТЕГЕН-БАТЫР

Поэма

Вольно, просто, вдохновенно,
Как арык играет пеной,
Я, Джамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.

Я не сам ее слагаю.
Где я взял ее, не знаю.
Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.

В криках дикого оленя,
В соловьином нежном пенье,
В гордом клекоте орлином
Я слышал об Утегене.

В плеске волн и в шумной пене,
В тихих шелестах растений,
У зари, у звезд надучих
Я узнал об Утегене.

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жирши и от акынов.